

НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ!

ОФИЦЕРЫ

★ **СЕРГЕЙ КУЛАКОВ** ★

УДАР БЛОКИРУЮТ УДАРОМ

Сергей Кулаков

Удар блокируют ударом

«ЭКСМО»

2008

Кулаков С. Ф.

Удар блокируют ударом / С. Ф. Кулаков — «Эксмо», 2008

Роман Морозов – капитан ГРУ. Обычно начальство его не жалует, поручает заниматься самой тяжелой и опасной работой в провинциальных «дырах». Но на этот раз расщедрилось и откомандировало в Европу – прокатиться во Францию и Польшу да встретиться с нашим агентом, очаровательной Мартой. Словом, Роман настроился весело провести время. Но его ожидания не сбылись. Пустяковая с виду командировка обернулась жестокой бойней, и первый удар Роман принял оттуда, откуда его менее всего можно было ожидать...

© Кулаков С. Ф., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

10 июня, ближнее Подмосковье	8
11 июня, Москва, 11.20	19
11 июня, Москва, ГРУ, 14.00	23
12 июня, Шереметьево, 10.15	29
Западная Украина, Львов	31
12 июня, Париж, 12. 40	33
12 июня, Париж, отель «Ассис»	44
12 июня, Париж, 18.20	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Кулаков

Удар блокируют ударом

Автофургон для перевозки мебели вкатился в ворота особняка, и тяжелые створки за ним начали немедленно смыкаться. Во дворе стоял человек, удерживая на цепях двух немецких овчарок. Он махнул рукой, показывая водителю, куда следует ехать.

Фургон, свернув направо, прокатился метров сто по асфальтированной дороге, густо обсаженной деревьями, и уткнулся в приземистое каменное строение, которое могло быть и гаражом, и сараем.

Здесь его ждали трое мужчин, один из которых держался по-хозяйски. Он властно поднял руку ладонью вперед, давая команду водителю фургона остановиться.

Двое его подчиненных, оба крепкого телосложения, подскочили к заднему борту фургона, распахнули двери. Из кабины вышел толстяк в кожаной куртке, заговорил с человеком, который отдавал распоряжения. Тот, на голову выше толстяка, отделялся снисходительными рваными фразами, а то и просто мычал сквозь зубы.

Водитель из кабины вообще не показывался.

Тем временем парочка крепышей вытащила из фургона и перенесла в гараж четыре длинных ящика, тщательно упакованных в несколько слоев картона. После чего двери фургона были закрыты, а вся четверка переместилась в гараж.

Хотя скорее всего это был все-таки сарай. Две пары довольно широких ворот легко позволили бы заехать внутрь даже громоздкому «Хаммеру», не говоря уж о его более мелких собратьях, коих здесь могло уместиться с полдюжины. Но в том-то и дело, что машины ни одной не наблюдалось. И даже пыльного автохлама вроде старых покрышек или запчастей. Сарай был заставлен ящиками самых разных размеров, небольшими, величиной с посылку, и крупными – с холодильник. Создавалось впечатление, что здесь находится какой-то частный склад.

Те ящики, что внесли сюда только что, были положены на длинный железный стол. Оба крепыша молча стояли в сторонке, сложив руки на груди и глядя перед собой с выражением привычной готовности ко всему.

– Водитель какой-то новый, – сказал хозяин, походя к столу. – Кто таков?

– Хороший хлопец, Андрей Данилович, – приложил руку к пухлой груди толстяк, семена следом. – Я сам лично отбирал.

– Стало быть, головой за него ручаешься? – сверкнул глазами Андрей Данилович.

– Ну... – замялся толстяк под его взглядом. – Головой сейчас за маму родную не поручишься, вы же знаете. Но хлопец хороший, можете не сомневаться.

– Догадывается, что возит?

– Ни! – воскликнул толстяк. – Ни в коем разе. Откуда ж ему догадаться? Мебель – и мебель себе...

– Ладно, Гриц, – оборвал его хозяин. – С этим понятно. В следующий раз предупреждай. А то пойдешь моим волкодавам на колбасу. Понял?

– Понял, понял, Андрей Данилович, – выпучивая глаза, закивал с усердием побледневший Гриц. – Это ж Вовка, гад, заболел, так я этого на смену взял... А так бы – ни за что, я порядки знаю!

Затем он оглянулся и почему-то шепотом спросил:

– А что, будут еще рейсы? Вы ж говорили, этот – последний.

– Будут, – успокоил его Андрей Данилович. – Видишь, сколько еще места? Надо все заставить.

– Ага, ага... – покивал Гриц. – Добренько. Надо, так надо, вам видней.

Хозяин сделал ему знак помолчать и кивнул своим помощникам. Те ловко распаковали картон на одном из ящиков и ломиками вскрыли деревянную крышку. Отложив крышку в сторону, сняли пенопластовую прокладку. Под ней блеснула гладкая поверхность. Аккуратно достали плоский длинный кейс, отщелкнули два замка, откинули крышку.

В поролоновых, точно сделанных гнездах лежали: ствол, приклад, цевьё, прицел, магазин, патроны, сошки и несколько мелких деталей. Все отливало густым черным лаком. Зрелище было внушительным настолько, что все собравшиеся затаили дыхание. Снайперская крупнокалиберная винтовка «В-94» даже в разобранном виде внушала почтение. В собранном же она казалась совершенным оружием. И то сказать: пуля калибром 12.7 мм гарантированно поражала цель на расстоянии более чем в два километра, с легкостью пробивая армейский бронежилет.

Толстяк поцокал языком, облизнулся, как при виде чего-то вкусенького. Андрей Данилович покосился на него, но ничего не сказал. Одобрительно прищурился и сделал знак закрыть кейс.

Два его безмолвных помощника уложили кейс обратно в ящик, накрыли пенопластом, забили крышку и принялись обертывать ящик в картон, придавая ему первоначальный вид.

Не дожидаясь конца процедуры, Андрей Данилович направился к выходу, поманив за собой Грица. Тот поспешил за ним, переваливаясь с боку на бок. Точь-в-точь мопс, бегущий за хозяином в надежде получить сладкую косточку.

– Вот твоя доля, – сказал Андрей Данилович, вручая ему пачку радужных банкнот. – Как договаривались.

– Ага, – кивнул Гриц, осторожно забирая деньги пухлыми, заметно вздрагивающими пальчиками.

Глаза его стали косить от возбуждения. Похоже, «косточка» оказалась даже большей, чем он ожидал. Наверное, будь ситуация попроще, он тут же начал бы пересчитывать купюры.

Но в присутствии строгого Андрея Даниловича не решился этого сделать и лишь тискал пачку в ладони, сунутой в карман, на ощупь пытаясь определить, какая сумма в ней заключается.

– Тут аванс за следующий рейс, – сказал Андрей Данилович, без труда угадав ход мыслей толстяка.

– Ага, – снова кивнул Гриц, отчаянно кося куда-то в угол. – Понял. А когда...

– Позвоню. Скоро.

– Ага, понял...

– Все, можешь ехать.

Андрей Данилович протянул выпрямленную дощечкой ладонь. Гриц осмелился пожать лишь кончики пальцев, с трудом отлепив руку от нагретой в кармане пачки.

Хозяин махнул рукой одному из своих помощников. Тот несуетливо, но быстро подошел.

– Проводи.

Тот кивнул, вышел вместе с Грицом из сарая.

Андрей Данилович дождался, когда загудит и удалится шум двигателя, достал из кармана мобильный.

Вернулся помощник, едва заметно кивнул и направился к столу, чтобы помочь напарнику перенести ящики к стене.

Снаружи начался дождь, сыпанул по черепице увесистым горохом. Андрей Данилович набрал номер, задумчиво шевеля губами.

– Да, в порядке, – отозвался он на вопрос невидимого собеседника. – То, что нужно. Нет, я думаю, этих должно хватить. Ищите теперь людей. Конкурс? Это мысль. Ничего, всех построим, так им и скажи. Пусть подождут. Да... Ладно. Теперь с Грицом. Он мне не нравится.

Да. И жаден стал слишком. Да, пора. А чего тянуть? Пока он еще какую глупость не сморозит? И этих тоже... Слишком много видели. Конечно, так будет спокойнее. Да. Действуй. До связи.

Заметив, что ящики сложены и помощники ждут указаний, Андрей Данилович сделал жест «уходим» и вышел из сарая.

Стемнело. Шумели кроны деревьев, по крыше, по листьям, по плечам тарахтели капли дождя. Не обращая на них внимания, Андрей Данилович проследил, чтобы двери сарая были заперты, проверил, включена ли сигнализация, и только после этого направился по узкой дорожке к особняку, стоящему невдалеке, за грядой преклонных вязов.

Оба его телохранителя почти бесшумно шли следом. Где-то залаяла и тут же затихла собака. В нижнем этаже особняка уютно горели окна. Андрей Данилович посмотрел на них, улыбнулся и прибавил шаг.

«ЛЬВОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

«Вчера в двадцати километрах от города произошла автомобильная катастрофа. Водитель фургона „Мерседес“ не справился с управлением и на полной скорости вылетел за пределы дороги, после чего машина свалилась с десятиметровой насыпи, несколько раз при этом перевернувшись. Машина загорелась, водитель и пассажир погибли.

В погибшем пассажире удалось опознать владельца мебельной фабрики Григория Маркевича.

У следствия есть несколько версий. Первая, и самая очевидная: сложная ситуация на дороге. Накануне шел дождь, покрытие было скользким, поворот, на котором случилась катастрофа, крутым. Скорее всего, водителя ослепили фары встречного автомобиля, и он не смог вписаться в поворот.

Есть и другая версия. Как сообщил нам компетентный источник, в смерти Маркевича, успешного и хорошо известного бизнесмена, были заинтересованы его конкуренты. Возможно, речь идет о заказном убийстве, инсценированном под несчастный случай...»

10 июня, ближнее Подмосковье

И кто бы мог подумать, что вечер закончится именно так? Начиналось все очень мило, интеллигентно, в духе комильфо, коего так старательно начали придерживаться русские нувориши и их подобострастные подражатели. А вылилось в скандал, в побоище, в невесть что, чего ни Роман Морозов, ни гости, ни сам хозяин никак не ожидали...

Но – по порядку. Достав приглашение на приватный показ эксклюзивного нижнего белья – это в последнее время стало очень модно, – Роман с удовольствием на этот показ и явился. Тому было две причины. Первая, и самая невинная: поглазеть на хорошеньких девушек. Ну, и попутно угоститься на славу, поскольку хозяин дома, находившийся во втором десятке списка самых богатых людей России по версии журнала «Форбс», слыл отъявленным хлебосолом.

Вторая, и главная: прощупать одного влиятельного дельца от цветной металлургии и узнать, какая участь в самое ближайшее время ждет концерн «Сибникель». Это было очередное задание Лёни, и от его выполнения напрямую зависело благосостояние Романа. Леня Пригов служил старшим дилером на фондовой бирже. Когда-то Роман оказал ему большую услугу, и в благодарность Леня стал его личным биржевым маклером. Получив от этого прямую и быструю выгоду, Роман начал сотрудничать с Леней. Он добывал для него информацию, а Леня пускал в оборот деньги Романа, успешно удваивая, а порой и утраивая их количество. Были проколы, но небольшие. В основном же Леня действовал безошибочно, и это позволяло Роману вести вполне обеспеченную даже по столичным меркам жизнь. Поэтому задания Лени были для него почти столь же приоритетны, как задания родной Конторы.

Правда, почти – и в этом «почти» крылась нелюбезная Лениному сердцу подоплека, ставившая интересы Конторы все-таки выше интересов бизнеса. Но тут уж Роман ничего с собой поделать не мог, ибо в этой жизни всегда что-то первично, а что-то, увы, вторично. А служба у него, по странной прихоти натуры, стояла на первом месте.

Но, как только изыскивалась возможность, он со всем пылом кидался выполнять поручение и рыл землю до тех пор, пока что-то не нарывал. Вот и сюда, на этот парад звезд, он явился с четко означенной целью и решил живым не уйти, а добыть ценную весть и доставить ее Лене, горячую и удобоваримую.

Работал он рьяно. Каких трудов, к примеру, стоило достать заветный билетик. Круг гостей был ограничен, всего-то сотенка человек, и каждый в этой сотенке что-то из себя да представлял. О, попасть на подобную вечеринку было пределом желаний многих и многих. Кудесники шоу-бизнеса, политики, артисты, акулы пера – все хотели побывать в числе избранных, посветиться в ореоле истинного богатства и могущества.

Роману пришлось надавить, используя служебное положение, на одного знаменитого адвоката, близкого друга хозяина, и тот устроил ему пригласительный билет. А что делать, если к промышленнику-«цветмету» Роман мог подобраться только на подобной вечеринке? В любое другое время тот был недоступен, как отключенный мобильник, поскольку в том же списке «Форбс» находился в четвертом десятке и на людях появлялся реже, чем первый из этого списка.

В банкетном зале путем хитрых маневров Роман умудрился сесть за соседним столиком с нужным ему олигархом.

Рассадка гостей велась по двум направлениям. Те, которые приехали группами, садились за большие, заранее приготовленные столы. Одиночки, вроде Романа, занимали места за столиками на двоих, и к ним подсаживали соседа или соседку, в зависимости от пожеланий.

Роман увильнул от уготовленного ему соседства с музыкальным журналистом, известным пердастом, и сел за свободный столик, в непосредственной близости от объекта.

Правда, случился небольшой казус: к Роману, улыбаясь белоснежной металлокерамикой, подседа стареющая теледива с одного из центральных каналов. Открытые сверх меры шея и грудь были основательно разрушены временем, хотя пластическая хирургия и липосакция позволяли бывшей обольстительнице казаться самой себе вполне неотразимой. Особенно в том приглушенном, чуть играющем освещении, что мягко наполняло зал.

Пришлось Роману исполнять роль кавалера и видеть в полуметре от себя забетонированные гримом щеки и надутые силиконом губы. Но менять позицию было поздно, поэтому он мило улыбался и время от времени чокался, отвечая слегка невпопад и ведя наблюдения за интересующим его объектом.

Елена – так звали теледиву – кивала направо и налево, как будто была хозяйкой вечера. Ценная привычка светского человека: везде чувствовать себя непринужденно и вести себя со всеми, как со старыми знакомыми. К удивлению Романа, с «объектом» она расцеловалась щека к щеке, и он долго мял ее руку, по локоть затянутую в атласную перчатку.

Елена – о, удача – представила Романа, который отрекомендовался как специалист по разрешению конфиденциальных ситуаций. После такой аттестации объект глянул на Романа внимательнее, запоминая, и, чуть поколебавшись, попросил у него визитку. Понимал, что абы кто здесь занимать столо-место не будет, и человек, наверное, кое на что способен.

– Скажите, Рома, – можно, я буду называть вас просто Рома? – скажите, Рома, – мягко промурлыкала Елена, когда объект переместился за свой столик, – а какого рода конфиденциальными ситуациями вы занимаетесь?

Единственное, чего не коснулось время, – голос. Он звучал божественно. Если бы не видеть лица, словно носившего следы побоев, можно было отдаться обладательнице такого голоса со слезами счастья на глазах. Хотя, возможно, Роман был слишком придирчив.

– Всякими, – ответил он, потягивая кампари.

– И... вы работаете как частное лицо?

– Совершенно верно. Но – в рамках закона.

– Как интересно, – подалась грудью к столу Елена, так что оба полушария, изрядно подкопченные в солярии, на две трети выдавились из корсета. – Мне всегда импонировали люди, занятые необычной профессией. Это что-то вроде Шерлока Холмса?

– Что-то вроде, – с улыбкой согласился Роман. – Только гораздо меньше романтики и гораздо больше юриспруденции. В общем, рутина.

– Я вам не верю, Роман, – покачала головой Елена. – Вы не похожи на заурядного частного детектива из романов Старка или Чейза. Хотя бы ваша одежда, ваши манеры. Наконец, то, что вы здесь...

Она сделала очаровательный жест, магнетизируя Романа неотрывным взглядом. Слава богу, появился хозяин и отвлек внимание, а то Роман почувствовал, как у него пробиваются ушки и пушистый хвостик.

В короткой речи хозяин, мучающийся от собственного богатства, поблагодарил гостей за то, что почтили его дом своим присутствием, и призвал веселиться от всей души, за что и сорвал бурные аплодисменты. Сейчас же на сцену выпрыгнули четверо новомодных мальчиков, запели, завихлялись, «заводя» зал. Между столиками засновали накрахмаленные официанты, разносили невиданные блюда, разливали драгоценные вина. Народ, выдавший виды, застонал от удовольствия.

После мальчиков на сцену, дожевывая что-то на ходу, взобрался артист из бывших кавээнщиков, объявил, что начинается показ нижнего белья из модельного дома такого-то. Вышел и такой-то, наголо обритый, развинченный, одетый в платки и бусы, напустил цветистой терминологии, хлопнул бокал вина за здоровье хозяина.

Его весело поддержали, требуя начала показа. Такой-то убежал, махая руками, чтобы начинали.

Показ велся по-домашнему, то есть модели ходили не по подиуму, которого и не было, а прямо среди гостей. Специальные осветительные приборы высвечивали дорожки, как бы отделяя зрителей и давая пикантный оптический эффект. Роман вдруг увидел, что на него идет дивной красоты девушка. Бедра, талия, грудь, точеные скулы, свободно рассыпанные по плечам черные волосы. И на всем этом – две сиреневые кружевные полоски, почти ничего не прикрывающие.

Брюнетка сверкнула гладким, как кегля, бедром, резко меняя направление, обдала запахом горьковатых духов. Роман уткнулся глазами ей в гибкую спину, вытянул машинально бокал вина. Внизу живота прошла горячая волна, и он понял, что надо либо напиться в дым, либо спастись бегством.

Следом за брюнеткой, открывавшей дефиле, вереницей потекли остальные. Блондинки, рыжие, стриженные под мальчика, русалки, худенькие, пышные, – но все без исключения красавицы. Была и «фишка»: среди бледных европейек эбеновыми статуэтками выступали негритянки, сверкая белками глаз, томно плыли смуглые азиатки, улыбаясь порочными ртами.

Роман, забыв о еде и питье, смотрел во все глаза на великолепные тела, искусно прикрытые узкими полосками шелка, гипюра или кожи. Девушки пружинисто шагали на высоченных каблуках, многие были топлесс, перед гостями прыгали их обнаженные животы, груди, филейные части...

– Лобки и колобки, – проворчала Елена, пуская дым со всем возможным презрением.

Ее не слишком светское замечание отрезвило Романа и вернуло к действительности.

Он покосился на «своего» олигарха. Тот смотрел на прекрасных дев снисходительно, вино потягивал едва-едва. Сразу видно, пресытился человек. И скучает. Ну, ясно. Даром тратит время. Небось думает о том, где можно сорвать еще миллиард-другой. Увидев, что Роман смотрит на него, кивнул. Ага, запомнил. Ну, конечно, у таких людей всегда есть проблемы конфиденциального свойства. Нет, не проблемы, это слишком, а небольшие неприятности. (А у кого их нет? Богатые тоже плачут.) Стало быть, можно рассчитывать на то, что позвонит. Или, как человек деловой, захочет поговорить прямо здесь. Вот еще раз посмотрел, дольше. Точно чего-то хочет. Только бы не того, чего не надо. Этих сытых мужичков иногда от избытка жиров и денег тянет на всякие непотребства. Но нет, не похож. Две блондинки с ним явно не для прикрытия, он их поглаживал хоть и лениво, но вполне по-мужски. Значит, будет какое-то предложение. Отлично. Только бы краем зацепиться, а там пойдет. Спасибо Елене... как ее по батюшке? Да просто Елене, очень удачно она подсела.

Тем временем в зал выпустили колонну моделей-парней в умопомрачительных плавках. И парни были широко представлены в международном ассортименте. Женщины и полумужской контингент сразу оживились, ощупывая глазами рельефные торсы и поджарые ягодички. Роман с интересом покосился на Елену. Та примолкла, покусывая нижнюю губу. Глаза ее были направлены куда-то ниже уровня поясов проходящих по дорожке атлетов. Но лицо было грустным и больным, как у состарившейся Мальвины.

Роману стало ее жаль. Конечно, она без труда может купить на ночь любого из этих самцов. И делала это, наверное, не один раз. И все же женское сердце жаждет в первую очередь любви, а не только набитых тугими гениталиями плавков. А какая любовь в ее возрасте? Мезальянс с молодым расчетливым негодяем? Пара-тройка лет мучительного счастья, скандальный процесс развода и тягостные походы по психологам и косметическим клиникам. Она слишком умна, чтобы не понимать всех удовольствий подобной связи...

Елена перевела туманный взор на Романа, глубоко вздохнула. Он смутился, поднял бокал, предложив выпить за нее.

– Вы вправду этого хотите, Роман? – спросила она.

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Мне кажется, я вам совершенно не интересна. Все эти девочки, несмотря на свои пустые головки, намного занимательнее для вас, чем я...

Роман чертыхнулся про себя. Рано он расслабился. Бывалая кокетка, подвыпив крепкого лафита, решительно пошла в наступление, грамотно используя данную им слабинку.

– Ну что вы, Елена, – пришлось сказать ему. – Вы очень интересная женщина.

– Вы находите? – медленно протянула она, обволакивая Романа своим неземным тембром.

– Клянусь.

– О! Вы возвращаете меня к жизни, милый Рома.

Она со значением чокнулась о бокал Романа и выпила до дна, не отрывая от него слегка запавших глаз. Содрогнувшись от «милого Ромы», выпил и Роман.

Модели исчезли, на сцене снова задергались поп-мальчики. Порядком отяжелевший кавээнщик объявил, что скоро будет «второй выход», и под жидкие хлопки вернулся к своему столу доедать и допивать.

Официанты бесшумно меняли блюда, наливали вина, еще более изысканные, чем были до того. Некоторые гости двинулись танцевать, другие — углубились в разговоры.

– А давайте выпьем на брудершафт, – предложила Елена.

Ну, выпили, поцеловались в губы. Роман постарался отнестись к этому, как к медицинской процедуре. Вроде клизмы. Противоестественно, но надо.

А энергичная Елена уже довольно настойчиво приглашала его в гости, мотивируя это тем, что вот недавно завершила грандиозный ремонт и очень хотела бы, чтобы Роман, человек с несомненным вкусом, ознакомился с ним как можно быстрее. В том смысле, что прямо сегодня ночью.

Роман пока мычал что-то невразумительное, налегая на вино и старательно подпавывая пожилую сирену в надежде на то, что она, захмелев, умиротворит любовный пыл или, по крайней мере, переключит его на кого-нибудь другого. Но Елена не пьянела и первоначальных притязаний не оставляла. С характером был человек. И со стажем, этого не отнять.

Зато Роман опьянел довольно сильно и уже местами забывал, для чего он, собственно, сюда явился. Так можно и пропасть ни за грош, думал он, закуривая, то есть позволить затасовать себя на квартиру, где уже не отопрешься и должен будешь соответствовать. А может, и не сопротивляться? Полезные знакомства, доступ к высшим сферам... Уже и вздутые губы Елены не казались ему такими безобразными, но в это время началось второе отделение, он увидел черные локоны, прямые плечи, изгиб крутого бедра – и это отрезвило его и спасло от позорного плена.

Брюнетка, на которой из одежды были только босоножки и кружевная тесемка, проглотила Романа взглядом, чуть задержавшись возле него и ясно давая понять, что заинтересована им.

Он расплылся в улыбке, оглаживая струящееся тело глазами. Другие девушки были не хуже, но почему-то именно эта вызывала в нем мгновенную дрожь внизу живота, сладить с которой, он знал, было делом абсолютно безнадежным.

Он проследил за ней до самого ее исчезновения в дверях. Наверное, пошла переодеваться. Хотя... что там переодевать? Одну полоску ткани заменить на другую? А может, и полоски никакой не будет?

Роман почувствовал, как от этих мыслей его начинает распирает вполне определенно. Во избежание конфуза, он задвинул нижнюю часть туловища поглубже под стол, налил себе вина... Уловив тяжелый взгляд соседки, спохватился, предложил вина ей. Елена выразила согласие медленным кивком, но хранила зловещее молчание. Она прекрасно все поняла.

«Слетаю за кулисы, – думал Роман, вытягивая бокал до дна, – возьму номер телефона – и обратно».

Он покосился на «цветмета». Тот сидел прочно, уходить не торопился. Увидев, что Роман смотрит на него, махнул рукой, приглашая за свой стол.

Отлично.

Роман сделал знак, скоро, мол, буду, извинился перед Еленой и направился к выходу. Уход был оправдан естественными потребностями организма. Всего заботы – сбегать туда-сюда. Объект подождет, раз позвал, он видел, что Роман направляется в туалет. А брюнетка может сорваться, особенно если беседа с «цветметом» затянется.

Понимая, что ведет себя неразумно, что не надо идти на поводу у мимолетной прихоти, а следует немедленно заняться обработкой клиента, Роман тем не менее тупо двигался в наменном направлении. В глазах стояло играющее тело, желание накрывало душной волной. Опять же, лошадиная доза спиртного...

Он свернул в один из коридоров, двинулся куда-то в глубь дома. Хотя... какого там дома. Это был дворец почище царского, разве что фамильных вензелей не хватало.

Ориентируясь на неясные звуки, Роман миновал один коридор, потыкавшись по переходам, свернул, как ему показалось, куда надо и легким крадущимся шагом двинулся вперед, втягивая воздух разъятыми ноздрями. В воздухе отчетливо пахло пудрой и духами – женщиной. Черт ли ему в «цветмете», если где-то рядом находилась **она**? Да, нерационально и глупо, да, из-за потакания своим слабостям он до сих пор сидел в капитанах и был под вечной угрозой увольнения у Лени... Но – жизнь всего одна, и еще никто не придумал единственно верного рецепта ее проживания.

«Я все успею, – твердил себе Роман, – это дело одной минуты...»

Он увидел, как из двери впереди выпорхнули две девушки, наряженные в кисейные коконы, сквозь которые просвечивались все их прелести, убежали к выходу в зал.

Выскочил бритоголовый модельер, прокричал им вслед торопливые указания, скрылся в дверях.

Роман замедлил шаг, оглянулся. Охраны здесь не было, все гости досматривались еще у парадного, там и дежурили охранники. Так что помехи практически никакой не предвиделось.

Он не дошел до заветной двери десяти шагов, когда из нее вышла брюнетка.

Увидев Романа, она сперва замерла, затем как бы нерешительно двинулась к нему. При виде ее, такой близкой, доступной, голой – не считая пояса из меховых полосок на манер папуасов и горжетки на плечах, – у него случилось какое-то мозговое затемнение. Он даже не понял, как она оказалась возле него и как ее рука оказалась в его руке. Все задвигалось и завертелось, точно во сне.

Вслепую Роман толкнул одну из дверей, втянул девушку за собой, нащупал в темноте что-то похожее на стол. Они не обменялись ни единым словом, сразу начали целоваться, инстинктивно отыскивая наилучшую позу для соития. Все шло молча, на ощупь, торопливо: прерывистое дыхание, горячая кожа, жадные губы, скользящие полосы меха...

Роман, не чувствуя веса, посадил ее на стол. Она расстегнула ему ремень, молнию, обхватила ласкающими руками спину под рубашкой, с тихим стоном пустила его в себя.

«Одну минуту, – ворочалась в голове Романа далекая мысль, – только одну минуту...»

Он не знал, сколько длилась эта минута, время перестало существовать, был лишь волшебный ритм, постанывания, сладковатый вкус губ и судорожное обмирание во всем теле...

Щелкнул выключатель, яркий свет залил помещение.

– Сука! – сказал кто-то отчетливо и злобно.

Брюнетка ойкнула, рывком сдвинула ноги, соскользнула со стола, прячась за спину Романа.

Натягивая брюки, он оглянулся, уже понимая, что ничего хорошего ни сказанное слово, ни поведение брюнетки ему не сулят.

В дверях, упираясь рукой в косяк, стоял невзрачный человек в очень дорогом костюме. Алмазная заколка для галстука, массивные платиновые часы. Все ясно, из этих. Новых хозяев жизни. Судя по тяжелой надбровной складке и волчьему прищур, на пути к богатству сей господин провел не один год в тюремных стенах. За ним высились два здоровенных лба в нелепых смокингах. Вывод: договориться «по легкому» не получится.

Впрочем, Роман пока мало занимал вошедшего. Можно сказать, он его вообще не замечал, приковав все свое внимание к брюнетке, которая – Роман это чувствовал спиной – была напугана до смерти.

– Вы бы постучались, – сказал Роман, застегивая ширинку. – А то некрасиво получилось.

– Заткнись, – процедил невежливый гость.

– Ты его знаешь? – через плечо спросил Роман свою подружку.

Она выступила из-за него, жалко улыбаясь и кутаясь в горжетку.

– Жора, не надо...

– Заткнись, сучка, – дергая веком, прохрипел Жора.

Роману стало скучно. Ну почему они такие одинаковые? Вломились на самом интересном, грубят, сейчас угрожать начнут. На улице – двадцать первый век, а у них все те же косные нравы хитровских трущоб девятнадцатого столетия. А идеал вождя – горбатый Карп за столом, ломящимся от жратвы. Нет, далеко еще нам до европейского лоска, сколько денег во все аксессуары красивой жизни ни вбухивай.

– Знаете, уважаемый, это я во всем виноват, – сказал Роман решительно. – Девушка ни при чем. Давайте разберемся без нее.

Язык слушался плохо, руки путались в ремне, что снижало шансы на какое-то подобие победы, дойди дело до рукопашной. А дойти оно могло вот-вот, нависшие за Жорой костоломы смотрели сочувственно, что было, несомненно, дурным признаком.

– Тебя, гаденыш, никто не спрашивал, – мрачно изрек Жора, достаивая Романа взглядом.

Роман почувствовал раздражение. Первое: упустит клиента. Второе: свалилась проблема. Третье: до чего же он не любил этих типов. Даже хмель слетел.

– Ну так спроси – и дело с концом. А то стоишь, сопли жуешь, двери подпираешь. Не шлагбаум.

В глазах Жоры вспыхнуло изумление. Он даже утратил интерес к брюнетке – чего и добивался Роман.

– Ты че, баклан, в натуре, оборзел? – заговорил он на чистом родном языке.

Роман взял брюнетку за руку, шагнул вперед:

– Можно пройти?

Что-то в его поведении насторожило Жору. Человек опытный, он догадался, что здесь кроется какой-то подвох. Какой, вот чего он не мог понять. Мужичок был тощий, по роже – из интеллигенции, одет, как это нынче говорят, гламурненько, оружия нет. Откуда же борзость? Упился до чертиков и ничего не соображает? Но взгляд нехороший, опасный взгляд.

Жора медлил. Ронять свой авторитет он не мог, это, по сути, было главное его достояние. Но и попасть впросак не хотелось. Поспешное решение могло обойтись еще дороже.

Ситуацию разрешило пустое: Роман, все же порядком охмелевший, слегка качнулся на ходу.

Ну, так есть, понял Жора, нарезался, идиот. А раз так...

– Дайте ему, – сказал он, отнимая от косяка руку. – Только тихо. Кости не ломать, но ливер опустить.

В дверь по одному шагнули лбы, встали плечом к плечу, заслонив проход.

– Не надо, Жора, – сказала жмущаяся к Роману брюнетка, о которой, как это водится в таких делах, все забыли. – Не трогай его, это я во всем виновата.

– Ты лучше помолчи, – отечески посоветовал Жора, – с тобой базар отдельный. Чего встали?!

Первый молодец лениво протянул руку, намереваясь ухватить зарвавшегося лоха за лацкан пиджака.

Роман эту толстенную руку перехватил, завернул до хруста и толкнул вздрогнувшую от боли тушу на второго молодца.

Толчок вышел преотличный: ошеломленные противники сбились в кучу, освободив на короткое время проход. Роман подхватил брюнетку и кинулся к двери, пока не завязался настоящий бой. Будь он трезвее, это его не смутило бы. Но в том-то и дело, что в нынешнем состоянии к бою он был мало способен, а потому следовало ретироваться как можно быстрее.

Жора вжался в косяк – вевшееся в нутро чувство опасности безошибочно подсказало ему, что на пути у этого фрукта ему лучше не становиться.

Роман выскочил в коридор, увидел невдалеке еще одного громилу и бросился в ту сторону, куда уходили модели в коконах. Брюнетка мчалась за ним, ни на шаг не отставая, несмотря на трехвершковые каблуки. Билась по ветру горжетка, разлетались пушистые кисточки на поясе.

– Взять их, ослы! – заревел Жора.

Коридор вздрогнул от тяжелого топота. Роман, глянув назад, увидел шарами катящиеся смокинги. Худо дело, эти будут гнать до последнего.

Увидев широкую дверь, Роман бросился туда, резко меняя направление. Каблуки понесли брюнетку мимо, Роман дернул ее за руку, она взвизгнула и едва не упала.

Момент был критический. Смокинги были в десяти шагах. Роман закусил губу, рванул девушку на себя, поставил на ноги и потащил дальше.

Они с грохотом вывалились в банкетный зал. За шумом музыки на них поначалу не обратили внимания.

Роман было притормозил, но тут же увидел, что сзади налетает один из лбов и тянет руку с намерением ухватить его спутницу за волосы.

За ним поспевали остальные.

Роман опрокинул ближайший к нему столик под ноги лбу и повлек брюнетку через зал к выходу.

Второй преследователь, перепрыгнув стол и упавшего коллегу, устремился к ним. Роман схватил на бегу бутылку с чьего-то стола, наотмашь ударил по коротко стриженной голове. По голове впопыхах не попал, но по локтю достал больно, стриженный рявкнул и отстал.

Народ уже что-то прочухал и начал разбегаться от невесть откуда взявшейся оравы. Роман, сворачивая столы, пробивался к выходу. Брюнетка, взвизгивая, остервенело швырялась тарелками. Дамы подняли крик, разбегаясь от летящих салатов. Роман как в замедленной съемке увидел изумленное лицо Елены, она медленно проливали вино из бокала на скатерть...

Тут его кто-то цапнул за плечо. Он повернулся, едва успев увернуться от зверского удара в лицо, заехал нападавшему в пах, рванулся дальше. Брюнетка каким-то чудом держалась возле него. Горжетка была утеряна, ее груди беспомощно трепыхались в пространстве.

Роман схватил большое серебряное блюдо, с разворота метнул одному из преследователей в ноги. Тот рухнул на скользкий пол, сбивая столы и стулья. Гости в панике метались по залу, женщины с упоением визжали. Одного из смокингов окружили пьяные дядьки и дружно пинали ногами. В общем, бардак стоял жуткий.

Подхватив изнемогающую брюнетку за талию, Роман кинулся к дверям. Задерживаться на вечеринке не имело смысла. Разговора с олигархом не получится, а Жора мог вызвать подмогу и дать команду «огонь».

Гости толпой ломились в двери. Навстречу им лезли охранники, пытаясь понять, что происходит. Роман с разгона вклинился в толпу, вывалился наружу вместе со своей поделщицей и побежал на улицу.

Кто-то садился в машину и уезжал, кто-то задерживался, надеясь разобраться в происходящем.

Не теряя времени, Роман отыскал свою машину, усадил разлохмаченную, но прекрасную брюнетку в салон, накинув на нее пиджак, и резво тронулся вперед, стремясь вырваться за пределы усадьбы до того, как начнут искать истинного виновника разгрома.

Ворота были открыты, гостей выпускали беспрепятственно. Привратники лишь внимательно оглядывали пассажиров. Пиджак скрыл наготу брюнетки, Роман проехал, не вызвав подозрений.

Уже на шоссе, когда им ничего не угрожало – Жора, как ни странно, не пустился в погоню, – оба начали смеяться, поглядывая друг на друга.

– Ты в кого тарелками-то бросалась? – спросил Роман.

– А... Во всех подряд, – беспечно отмахнулась брюнетка. – Терпеть не могу этих буржуев.

Уверенно расставив длиннющие ноги и сдвинув назад пиджак, так, что едва не вся грудь выбралась наружу, она чувствовала себя вполне комфортно.

Романа начали терзать смутные сомнения.

– Может, познакомимся? – покосился он на соседку, которая без спроса вытащила из кармана его пиджака сигареты и закурила.

– Лена, – свободно ответила та.

– Очень приятно. Роман.

– Слушай, Рома, давай заскочим ко мне, а? Я переоденусь по-быстрому, захвачу кое-что из вещей, а потом поедem к тебе.

Роман помолчал, соображая. Хмель уходил неохотно, но все-таки уходил. Веселое приключение переставало казаться таким уж веселым и смахивало скорее на катастрофу, чем на триумф.

– А может, ты останешься дома? – осторожно спросил он.

– Ты что! – возмутилась Лена. – Он же меня убьет!

С этим спорить было трудно. Жора, конечно, убить не убьет, но поизмывается всласть. Не исключено и рукоприкладство. И хоть девица к экстриму привычная, допустить, чтобы ее избивали после того, что между ними было, Роман не мог. Не то воспитание.

– Хорошо, – сказал он, – сделаем так, как ты говоришь.

Лена кивнула, ничуть не сомневаясь в ответе. Роман покосился на ее горделивый профиль, на голое, далеко выставленное бедро, и, как давеча, почувствовал жар внизу живота. Дает же господь такие дивные тела таким упрощенным созданиям.

Несколько раз он проверял, нет ли «хвоста». Но позади было чисто. Впрочем, Жора мог распорядиться насчет засады у дома беглянки.

– Кто этот Жора? – спросил Роман.

– Банкир, – односложно ответила Лена, лихо стряхивая пепел в окно.

– А-а, – кивнул Роман.

Кто бы сомневался. Они все сейчас – банкиры.

– Давно с ним знакома?

– Месяца два. Он увел меня от одного художника. Лыкин, может, слышал?

Роман утвердительно качнул головой.

– Плохой художник, – объявила Лена. – Все какая-то детская мазня. Он мне объяснял про какой-то кубизм, супоростизм...

– Супрематизм.

– Во-во, точно. Но я ничегошеньки не поняла. Он меня нарисовал – кружочки, черточки... Ну, дичь! То ли дело у нас в Самаре. Река, поле, кони – все как живые. Это я понимаю – картины. А этот все какие-то каки-маляки мазюкает, смотреть смешно. Но деньги хорошие получает, на Западе его ценят. Я думала, может, мне заняться, че я, не смогу так? Но тут меня Жора сманил, не до искусства стало. Если б знала, какой он гад, ни за что бы к нему не ушла...

– Чем Жора не угодил?

– Псих. Чуть что не так, давай орать, одежду рвать, как будто я ему какая-то... Денег не жалеет, ничего не скажу, но держит, как на цепи. Ты сам видел. Только засек, что меня в зале нету, сразу побежал искать. На фига мне такая радость? Я свободно жить люблю. А ты мне сразу понравился. Видно, что прикольный. С таким не соскучишься. И в сексе толк знаешь, не то что этот мухомор... У него если когда и бывало, то на пару минут. Отбили все на зоне, ничего не держится. Еще и от этого бесился. А чего беситься? Не можешь – не бери. И другим не мешай... Короче, надоел он мне до жути.

– И ты решила найти другого?

– Ага, – кивнула Лена. – Теперь я от тебя не отстану. Вон, вон мой дом! Здесь поворот направо... Вот, этот подъезд. Подожди пять минут, я сейчас выйду.

– Проводить?

– Да не надо, я сама дорогу знаю.

Лена выскочила из машины и исчезла в подъезде, унеся пиджак Романа вместе с сигаретами и суммой рублей в тысяч десять. Деньги – ладно, но торчать без курува в машине среди ночи было тоскливо. Хорошо, если вернется. А если нет?

На всякий случай Роман развернулся и встал так, чтобы рвануть со двора, как только появятся архаровцы Жоры. Что Жора без последствий сей инцидент не оставит, Роман не сомневался. Оскорбление было слишком большим, особенно для подобного типа. Как же, увели «телку» из-под носа, да еще и на виду у всех. Как такое стерпеть? Никак невозможно. А потому – месть до седьмого колена.

Ну, мести Роман не боялся, благо никаких таких колен у него в помине не было. Но неприятности в виде сожженной машины или отморозка в подворотне, вооруженного ножом, могли последовать.

Разумнее всего было бы дать по газам и тихонько укатить домой. Пиджак и деньги – небольшая жертва за возможность продолжать тихую холостяцкую жизнь. А то, что с возникновением в ней Лены тишина кончится, было яснее ясного.

Но то ли хмель еще бережил душу, не позволяя бросить совращенную им девушку в беде, то ли удерживало нереализованное до конца желание, но Роман упорно стоял на месте и ждал испарившуюся красотку.

Пять обещанных минут давно прошли. Прошли и десять, и пятнадцать. Он нервничал. Вот-вот могла заявиться бригада Жоры и отрезать копуху от выхода. И тогда он ей ничем не сумеет помочь.

Наконец Лена вышла. В бирюзовом коротком платьице, в новых босоножках, свежая, как майская ночь, она выглядела восхитительно. Впечатление немного портили две большие спортивные сумки, которые она с трудом волочила за собой.

Роман вышел из машины, положил сумки в багажник.

– Какой ты милый, – пропела Лена, прыгая в машину.

– А где пиджак? – спросил Роман, садясь за руль.

– Ой, пиджак! Я забыла его дома. Сбегать?

– Не надо, – остановил ее Роман, которого при виде длинных гладких бедер вновь обдало жаркой волной.

Бог с ним, с пиджаком. Деньги из него наверняка перекачивали ей в сумочку, повадки этих молодых мародерш Роману были хорошо известны, и он их за это отнюдь не осуждал.

Каждый выживает, как может. А вот задерживаться здесь еще на какое-то время было действительно опасно.

Вскоре они катили по свободным в это время улицам Москвы, наслаждаясь сверканием улиц, скоростью и ощущением полноты жизни.

Лена, блаженно улыбаясь, выставила голову в открытое окно и напевала в такт звучащей в салоне песни. Роман испытующе глянул на нее. Кажется, девушка под кайфом. И до того была, и дома добавила.

В сущности, ничего страшного, взрослым людям не возбраняется получать удовольствие тем способом, который они в состоянии оплатить. Но дело в дозе и в зависимости. Если баловство – ничего. Но если случай, близкий к клиническому, надо быть настороже.

Роман прокатился по городу чуть дольше, чем того требовалось для возвращения домой. Понятно, что Жора пока отстал. Но привычка к перестраховке заставляла убедиться в полной безопасности, тем более что ехал он не один, а с виновницей раздора.

«Не Елена, так просто Лена, – думал Роман, сворачивая наконец к себе. – От судьбы не уйдешь. Что-то из всего этого выйдет?»

От его квартиры Лена пришла в восторг и тут же принялась осваивать территорию. В том смысле, что отыскала, где находится бар, и проинспектировала содержимое холодильника.

После чего, ничуть не смущаясь, высыпала на столик белый порошок из пудреницы, сделала кредиткой две ровные дорожки и мгновенно всосала их трубочкой, скрученной из долларовой банкноты.

– Хочешь? – предложила она Роману, втирая остатки кокаина в ноздри. – У меня еще есть?

– В другой раз, – отказался тот, наливая себе виски.

Голова ощутимо побаливала – начиналось похмелье. Он выпил виски залпом и налил еще. Боль отлегла, сменяясь утраченной было легкостью.

Лена набулькала себе мартини, выпила, как воду, звездой раскинулась в кресле. Роман старался не пялиться на белый треугольник шелка, видный из-под задранного платья.

– А у тебя клево. Один живешь?

– Один, – сказал Роман, включая магнитофон.

Хрипловато, чувственно запела Шадэ. Этот диск всегда стоял наготове, для таких вот случаев.

Лена скривилась:

– Может, что другое есть?

– Например? – осведомился Роман.

– Ну, Жанна Фриске. Или Дима Билан. Тащусь от Билана.

– Нет, такого не держу... Отстал от жизни, прости.

– Ладно, пусть играет, – снисходительно позволила Лена, берясь за мартини. – Хоть и отстой, но слушать можно. А ты кем работаешь?

– Да... Мониторинг демпинговой экспансии.

– Круто, – уважительно отреагировала Лена. – Я сразу поняла, что ты серьезными делами занимаешься.

Она выпила еще бокал, потянулась, органичная, как кошка. Глянула на Романа, наморщила носик.

– Жора теперь всю Москву перероеет, – почему-то со смехом сообщила она. – Только фигушки ему. Я в его золотую клетку не вернусь.

Она мягким, совершенно естественным движением соскользнула с кресла, встала на колени перед Романом и принялась расстегивать ему брюки.

– Он думает, раз денег куры не клюют, так все возле него на цыпочках будут бегать. Счас!

Роман закурил, с интересом наблюдая за ее действиями. Времени Лена терять даром не привыкла, это точно. Высвободив рвущееся естество Романа, она принялась обрабатывать его вдумчиво и умело.

– А с тобой я останусь, на сколько хочешь, – заговорила она, сопя и почмокивая, и черт знает что вытворяя языком. – Ты классный. Я в мужиках толк знаю, с пятнадцати лет, еще когда физрук на маты завалил... А потом отчим шоколадками заманивал. Но мне на эти шоколадки наплевать, мне интересно было, как оно у вас устроено. Самое смешное, что у всех по-разному. У кого толстый, у кого тонкий, у кого кривой... А у Жоры, знаешь, вот тут, – она показала подрагивающим кончиком языка где, глядя при этом в глаза Роману, – муха наколота. Как живая. Я так прикалывалась. Только толку с него мало...

Роман докурил, затушил сигарету, притянул ее к себе – и дальше все пошло именно так, как ему хотелось изначально.

11 июня, Москва, 11.20

Спала Лена долго. Роман успел и помыться, и побриться, и напиться кофе, и, самое неприятное, обдумать всесторонне свое положение.

А положение обрисовывалось паршивое. Девицу-то он умыкнул, и девицу роскошную. Во всех смыслах. Но вот стоил ли дебет кредита? То есть не сваял ли он дурака? С «цветметом» разговора не получится, тот был свидетелем свистопляски, устроенной Романом, и на контакт ни за что не пойдет. Эти олигархи осторожны, как бобры, чуть что не так, нырок под воду – и в хатку, под пятислойный накат. А значит, узнать что-либо о «Сибникеле» не удастся. Плохо. Леня очень просил, нет, не просил, требовал прояснить судьбу концерна в самое ближайшее время. Но теперь в ближайшее время никак не получится. Равно, как и в последующее. Если только пойти в обход и завести дружбу с секретаршами? Но это – долгая музыка, людей в такие учреждения подбирают железных, и дело надо доводить, как минимум, до свадьбы, чего Роман не хотел даже в высших целях.

Итог: полный провал.

Далее – непосредственно Лена. Девушка въехала надолго и этого не скрывала. В общем, Роман был не против ее пребывания, но смущали сроки. Если месяц, другой, это еще куда ни шло. А если дольше?

Тут начинались проблемы. Связывать себя долгими отношениями было не в его привычках. Все эти сексуальные утехы имеют свойство приедаться, и радость бытия виделась ему исключительно в смене декораций. Поэтому стоило уже на начальной стадии готовить ее к неизбежному расставанию. В крайнем случае, подыщет себе замену – придется расстараться спокойствия ради.

К тому же Лена потребляла кокаин в промышленных дозах, что вряд ли положительно сказывалось на ее психике. Пока наркотик был под рукой, она вела себя прилично. А если не окажется? Поставками такого рода Роман заниматься не собирался. А значит, Лене придется обслуживать себя самой. К чему это может привести? Вариантов было много, и почти все они оказывались малоутешительными. Роман решил, что «поживем, увидим», но настроение от этого не улучшилось.

А там еще Жора повисал, неотомщенный и унылый, как киношный маньяк. Наверняка ведь будет искать. Москва только кажется огромной, на самом деле места здесь мало, и человека, да еще такого заметного, как Лена, найти – раз плюнуть.

Инструкции Лена, конечно, получит, но будет ли она им следовать неукоснительно, вот в чем вопрос?

Ну, и по мелочи: насвинячил в гостях; с Еленой знакомство не развил, хотя не мешало бы; испортил себе репутацию и, как следствие, более приглашения в это общество не получит...

Получалось, кредит многократно превышал дебет, – и это было только начало.

Закурлыкал мобильный. Лёня. Роман с сомнением посмотрел на телефон, но все-таки включился.

– Здравствуй, Леня, дорогой...

– Да или нет? – холодно спросил тот.

– Понимаешь, я бы столь категорично не ставил вопрос...

– Рома, не надо со мной вилать. Ты не на ковре у начальства. Говори, что удалось узнать?

Роман имел неосторожность похвастаться Лене, что достал приглашение на вечеринку, где будет нужный олигарх, и пообещал, что сумеет использовать эту возможность на двести процентов. Леня обещание учел и теперь хотел узнать результат.

И как быть? Врать Лене бесполезно, тот видел все уловки Романа насквозь и душил их на корню, как сорную траву. Говорить правду? Такого Леня, человек впечатлительный, не выне-

сет. И, скорее всего, пошлет подальше. Услугу он давно отработал, так что не было никакой надобности содержать нерадивого компаньона. Это не компаньон, а балласт. И если балласт мешает, его незамедлительно выкидывают. Для того, собственно, и держат.

Роман маялся, не зная, что сказать. Думал отличиться. А вышло... Нет, отличился, конечно, что надо! Вот только не в ту сторону.

– Понимаешь, Ленья, кажется, сорвалось...

– Что сорвалось?

Голос Лени звучал, как в компьютерной игре. Ни малейшего желания понять и посочувствовать.

– Ну, там произошло одно... эээ... – лепетал Роман, – произошел небольшой эксцесс... Короче, вышел, типа, скандал, и клиент как бы соскочил.

– Короче, типа и как бы, – перебил его Ленья. – Ты его упустил?

– Ну... Можно и так сказать, – обреченно вздохнул Роман, надеясь этой обреченностью вымолить прощение.

– Но хоть что-нибудь удалось узнать? Хоть намек?

– Увы, Ленья... Ничего. Но я обязательно попробую с другого боку!

– Поздно, Рома, – каким-то чужим голосом сказал Ленья. – Хоть с какого – поздно. Если бы ты успел сегодня, дело бы выгорело. Но ты не справился, и ловить здесь больше нечего.

Роман молча холодел, слушая эти «ты». Обычно Ленья, когда отчитывал, находил другие словесные формы, все больше налегая на спасительное «надо». Теперь же его речь звучала как приговор.

– Но ничего, Ленья, – с ложной бодростью воскликнул Роман. – Это же не последний раз.

– Последний, Рома.

– То есть?

– То и есть. – Ленья помолчал. – Я думаю, ты взрослый человек, и сам все понимаешь.

– Значит, конец?

– Да, Рома, конец.

– Ну, тогда до свидания...

– Прощай.

Связь прервалась. Роман криво усмехнулся, глядя на потухающий экран. Вот так оно и происходит. Тихо, прозаично, ровно ничего не нарушая в состоянии миропорядка. Оторвалось и ушло нечто важное, без чего жить стало невозможно. Нет, шалишь, возможно. Как? Это другой вопрос. Хотя ответ более чем очевиден.

Роман с подступающей тоской начал вспоминать, сколько у него осталось на счету. Кажется, тысяч восемь евро. Или семь? Если бы не позавчерашний проигрыш в казино, было бы под тридцать. Что бы Лене не объявить вердикт раньше? Смотришь, удалось бы отсрочить нищету на несколько месяцев. Или недель...

А-а, какая разница? Из грязи в князи, из князи в грязи – все происходит настолько быстро, что нет смысла затягивать процесс. Только больнее делать.

Вдруг за стеной во всю мочь рывкнули колонки, сотрясая окна и двери. Роман едва не выронил телефон. Сколько здесь живет, никогда так громко не включал магнитофон.

Хорошо, день на дворе.

Он заглянул в комнату. Лена, стоя перед зеркалом в одних трусиках-танга, вертела бедрами в ритм музыки и одновременно расчесывала свою черную гриву.

Увидев в зеркале Романа, повернулась и, раскачиваясь в танце, начала манить его к себе. Глаза блестели, по плечам, по высокой груди змеились черные локоны. Гибкая талия извивалась, бедра выводили какой-то сложный узор. Она была до того хороша, что все проблемы вылетели из головы в один миг.

Ну их к лешему, в самом деле, как-нибудь разберемся. Потом.

– Сделай тише, – сказал Роман, медленно приближаясь к танцующей красавице.
– Что!? – крикнула она, обнимая его и прижимаясь всем телом, сверху донизу.
– Ничего, – пробормотал он, опускаясь вместе с ней на диван под неистовый грохот барабанов.

Позже, когда сделали музыку тише и завтракали состряпанным Романом омлетом, состоялся короткий, но содержательный разговор.

– Рома, мне надо пару сотен евриков, – просто сказала Лена, с аппетитом жуя и прихлебывая красное вино, которое самоуправно извлекла из бара.

– Угу, – отозвался Роман.

– На порошок и так, по мелочи, – сочла нужным пояснить Лена.

– Угу.

Повисла пауза. Роман оторвался от тарелки, сходил к заветному комоду, принес требуемую сумму.

– Спасибоочки.

Роман, пока ходил, успел подсчитать, во сколько ему обойдется двухнедельное, скажем, пребывание Лены. С учетом того, что и ему надо на что-то жить и покупать напитки, получалось неслабо. Был бы в активе Ленья, он даже не стал бы заниматься подобными расчетами. Но теперь, в новых реалиях, приходилось полагаться только на себя, то есть на зарплату в Конторе, а на нее самое большее можно было не умереть с голоду, но никак не играть роль богатого покровителя.

Лена отодвинула пустую тарелку, закурила. Стало понятно, что Роману придется не только готовить, но и мыть посуду. Впрочем, можно было не готовить и не мыть, а скромно обойтись рестораном. Или, на худой конец, домработницей по вызову.

Но тут снова глухой стеной вставал проклятый вопрос. То, что решалось запросто, одним небрежным жестом, становилось серьезнейшей проблемой.

Ну, Ленья! К хорошей жизни приучил, а отучить – не удосужился. Жестоко. Все-таки с живым человеком так нельзя обходиться. Мог бы издали, постепенно. А то бац, и наповал. Люди, конечно, взрослые, это он верно заметил. И возразить нечем, ибо прав со всех сторон. Но как-то пещерно прав. Не по-нашему. На ум пришел рассказ О.Генри «Боливар не вынесет двоих». Ну, точно. Как только друг стал помехой, пулю в лоб – и вся недолга. И помехи нет, и делиться не надо. А что и было хорошего – это в прошлом, в несуществующем.

Лена стукнула пудреницей, отвлекла. Роман искоса пронаблюдал, как она лениво, но уверенно расправилась с остатками кокаина. Н-да.

«Максимум, неделя, – соображал Роман, споласкивая тарелки. – И надо от нее избавляться. Иначе я спущу все до нитки и вдобавок обросту долгами. А это уже из разряда удовольствий, которые я не могу себе позволить».

Следовало осторожно выяснить, как она отнесется к тому, что пребывание у него в гостях будет не слишком долгим. Но только – осторожно, а то еще обидится и съедет незамедлительно, чего Роману пока не хотелось.

– Какие планы? – подыскал он приемлемую фразу.

– Да никаких, – обескуражила его Лена.

Она переместилась в гостиную, включила телевизор, нашла МУЗ-ТВ и завалилась на диван с такой непосредственностью, будто жила здесь всю жизнь.

Роман решил, что сейчас не слишком подходящий момент. Все-таки только-только ввез и тут же намекать на выезд? А где же знаменитое московское гостеприимство?

Ладно, этот вопрос можно провентилировать позже. Пусть пока отдыхает. Глядя на ее длинные, изящные щиколотки и узкие коленки, выставленные к потолку, Роман снова почувствовал сексуальное томление. Пожалуй, если он поспешит от нее избавиться, то умрет от сперматоксикоза, вспоминая эти коленки.

– Мне надо по делам. Так ты тут не скучай, я скоро вернусь.

– Да можешь не торопиться, – откликнулась Лена, блаженствуя под песню какой-то лохматой особы.

Пока доза при ней, ей везде хорошо, понял Роман.

– Послушай, ты ведь понимаешь, что Жора будет тебя искать? – перешел он ко второму важному вопросу.

– Пусть ищет, – отмахнулась Лена.

– Но это опасно.

– Конечно, опасно. Найдет – убьет. Он же зверь.

– Будь осторожна. Не говори знакомым в телефонных разговорах, где живешь. Даже район не называй. Не ходи по старым местам. Смотри, чтобы за тобой не увязывались подозрительные люди. Порошок покупай у другого поставщика...

– Ой, да знаю я все, не маленькая. Сколько этих сериалов пересмотрела, могла бы сама в милиции работать. Ну, чего ты там стоишь? – Лена извернулась и глянула на него из-под челки. – Иди ко мне, я соскучилась. Ну? Иди...

Она пошлепала ладошкой по дивану и раскинула шелковый халатик, добавив к торчащим коленкам еще две пленительные вершины. Роман заворуженно двинулся к ней. Но в этот миг зазвонил телефон.

Роман приостановился. Распахнутые полы халата манили его, как цветочные лепестки манят шмеля. Но звонок был из Конторы, а просто так оттуда не звонят.

– Извини, – пробормотал он и вышел в коридор, плотно прикрыв дверь.

– Слушаю.

– Слушай, – сказал подполковник Дубинин, куратор и непосредственный начальник Романа. – Есть задание. Не задание – мечта. Еле для тебя выбил. Так что через час чтобы был в Управлении.

– Есть, товарищ подполковник.

– Ты чем-то недоволен? – спросил Дубинин, еще более чуткий к интонациям Романа, чем Ленья.

Увы, бывший Ленья.

– Никак нет, всем доволен, – поспешно отозвался Роман, делая над собой усилие, чтобы не думать об оставленной на диване Лене. – А что за задание?

– Прогулка по Европе. Море удовольствия и все такое. Сам бы поехал, но не могу. Так что – пляши.

– Пляшу.

– Ну, через час. И не дай тебе бог опоздать. Поедешь на Шпицберген моржей гонять, имей в виду.

– Все, мчусь.

Сжав сборы до армейских нормативов, Роман выкроил десять минут и к дивану все-таки наведалься. Попрощался, так сказать. Пути, ведущие из Конторы, были неисповедимы, и потому следовало захватить с собой на дорожку как можно больше простых человеческих радостей.

11 июня, Москва, ГРУ, 14.00

Дубинин прижал указательный палец к губам и тем же пальцем поманил Романа к себе. Тот, заинтригованный, подошел к столу, протянул руку. Дубинин молча ее пожал, значительно посмотрел на Романа, взглядом приказывая сесть.

Роман сел.

– Ну что, будете делать карьеру, капитан? – интимно спросил подполковник.

– Пора бы, – вздохнул Роман.

– Угу. Так вот. Выполнишь чисто это задание, я лично выхлопочу тебе майорские звездочки.

– А местечко в таком кабинете выхлопочешь?

– А ты на нем усидишь?

– Не знаю, – озадачился Роман.

– То-то и оно. Но насчет майора я вполне серьезно.

Роман посмотрел на Дубинина. Форма с иголочки, выправка – загляденье, даже когда сидит, выражение лица – сама корректность и собранность. Красавец. Не чета ему, вечному капитану, позору отдела, который и форму-то носил разве что на срочной службе, двадцать лет назад. Смотри-ка, неужели двадцать? Действительно, пора карьеру делать, времени в обрез. Чай, майорская пенсия слаще капитанской? А если принажать, можно и до подполковника докарабкаться. Конечно, если генерал Слепцов, начальник отдела и персональный ненавистник Романа, выйдет-таки в отставку.

– Хорошо, – кивнул Роман, – давай, если серьезно.

Открылась дверь кабинета, из него вышли два суровых полковника. Дубинин вскочил, проводил их до выхода из приемной. Вернулся, скептически посмотрел на сидящего как ни в чем не бывало Романа. Тот понял: никогда ему с его служебным рвением не занимать подобную должность.

– Твоя очередь, – сказал Дубинин, подходя к двери, за которой сидел начальник отдела. – И веди себя смирно.

– А что о деле?

– Там тебе все скажут. Потом ко мне, на инструктаж.

– Есть.

Роман придал лицу скорбное выражение, посмотрел на Дубинина.

Тот кивнул: то, что надо. Заглянул в кабинет.

– Товарищ генерал, к вам Морозов...

– Пусть войдет, – послышался ворчливый голос.

Дубинин посторонился, пропуская Романа, мигнул, мол, смотри мне, без глупостей.

Роман четко вошел, остановился в трех метрах от Т-образного стола. Дверь за ним бесшумно закрылась.

– Товарищ генерал-лейтенант, капитан Морозов по вашему приказанию прибыл.

Генерал Слепцов, важный, широкий, в блеске регалий и позолоченных очков, некоторое время разглядывал его, барабанил пальцами по столу.

– Садитесь, капитан.

Похоже, начальник отдела остался доволен внешним видом нелюбимого подчиненного. Ну, еще бы не остался. Роман специально для такого случая держал в гардеробе заношенный серый костюмчик и парочку тусклых галстуков. Имелись и стоптанные ботинки «прощай, молодость». Вырядившись в этот утиль и перечеся модную стрижку на казенный пробор, он сам себя переставал узнавать. И маскировки никакой не требовалось. Хорошо, Лена залегла в

ванну и не видела его преображения. А то пришлось бы громоздить легенду по всем правилам шпионского искусства.

– Для вас есть поручение, – сказал Слепцов. – Оно не сложное. Можно сказать, легкое. Но я бы хотел, чтобы вы понимали всю степень важности этого поручения и отнеслись к нему с должной ответственностью.

– Я ко всем заданиям отношусь с должной ответственностью, – выпалил Роман.

Очки Слепцова раздраженно сверкнули. Роман вспомнил напутствия Дубинина и прикусил язык. Тот слова на ветер не бросал и, что-то пообещав, свои обещания выполнял. А значит, коли есть охота получить майора и сдвинуть карьеру с мертвой точки, надо внимать, кивать и помалкивать.

– Вот, посмотрите, – Слепцов перебросил Роману тонюсенькую папочку. – Листайте и слушайте.

Роман кивнул, открывая первую страницу. На ней была фотография пожилого человека, сбоку шел лаконичный текст. Роман вобрал в память черты лица, глянул в записи. Ого! Восемнадцатого года рождения. Дедуле скоро девяносто. В смысле возраста не рекорд, но говорит о многом. Достижение не в том, что он до сих пор жив, а в том, что он до сих пор представляет интерес для Конторы. Тут крылась богатая биография. И какая-то тайна, это уж точно.

– Это Казимир Гломба, – сообщил Слепцов, и Роман почтительно кивнул, отводя взгляд от текста.

Он знал, что Слепцов любит щегольнуть памятью перед подчиненными. Этим он давал понять, что он еще в форме и до отставки ему далеко, пусть некоторые не надеются.

– Гломба наш старый агент. Сотрудничал с советской разведкой еще в годы Великой Отечественной войны. Продолжал работать на нас и после. Являлся долгое время главой Восточного отделения в Польше. К нему стекалась информация об агентах, работающих на СССР. Кого-то он знал лично, кого-то заочно. У него имеются данные на несколько сот поляков, в той или иной степени связанных с нашей разведкой.

– И где сейчас эти данные? – спросил Роман.

– Не торопитесь, капитан, – назидательно, но мирно сказал Слепцов. – Хотя вы, как говорится, зрите в корень. Ваше задание связано как раз со списком агентов, которым владеет Гломба. Вы должны узнать, где находится список, найти его и доставить сюда.

– А что, дедушка не хочет его отдать добровольно? Или решил заработать немножко золотых шантажом?

– Не совсем так... Хотя угроза от этого списка исходит нешуточная. Вы в курсе последних политических событий в Польше?

– Ну, в общих чертах. Близнецы у власти, памятники вот наши собираются сносить... – начал припоминать Роман.

– Да, натворят эти близнецы дел, – скривился генерал. – И вообще, нехорошо ведут себя поляки. Вместо того чтобы лишний раз нам спасибо сказать за то, что из-под немецкого зада их вытащили, они выливают на нас ушаты грязи и думают, чем бы похуже напакостить.

– Есть за что, – не подумав, отозвался Роман. – То царские вешатели их гнобили, то доблестные сталинцы расстреливали, то танками порядки наводили...

– Это вы бросьте! – вдруг налился кровью Слепцов. – Именно так они и говорят. Да, было всякое... Поляки, между прочим, тоже не ангелы. Сусанина зарубили, в Кремле сидели хозяевами. Мы все помним. И плохое, и хорошее. Но добро, сделанное Польше Россией, в сотни раз больше всего остального. Вот что вы должны знать, капитан!

– Понял, товарищ генерал.

Роман виновато повесил голову, досадуя на свою несдержанность. Вернее, на необходимость молчать, когда молчать совсем не хочется. В другое время он так легко не сдался бы, но

заключенный с Дубининым договор вынуждал его держаться новой стратегии и свое мнение оставлять при себе.

Слепцов помолчал, глядя в окно. Лицо приобрело обычный лимонный оттенок, пальцы перестали барабанить по столу.

– Всё-то вы норовите вывернуть наизнанку.

Роман молчал, памятуя о новой стратегии.

– Ладно, это, с одной стороны, неплохо, что вы знаете историю. Пригодится на месте, так сказать. Но вернемся к истории новейшей. В Польше принят закон о люстрации. Он автоматически ставит под удар сотни и сотни людей. Очень полезных для нас людей. Поляки решили, как во времена Средневековья, устроить охоту на ведьм. Будут рассекречены архивы, и все, кто так или иначе был связан с советской разведкой, подвергнутся гонениям. Мы лишимся ценнейших сотрудников, поскольку многие сознательные поляки все еще работают на нас. Они понимают, что Россия, а не Евросоюз и НАТО, истинный друг их страны.

Слепцов покосился на Романа. Но тот – ничего, слушал внимательно, в глазах протеста не таил.

– Если польские спецслужбы доберутся до Гломбы – а это более чем вероятно, – они могут заставить его выдать список агентов. Чего нельзя допустить ни в коем случае. Поэтому список во что бы то ни стало должен оказаться у нас. В крайнем случае, уничтожен. Вот ваша основная задача.

– В чем трудности? – спросил Роман.

– Трудности в том, что старик впал в маразм и не идет на контакт. Мы дважды посылали к нему наших людей, но он даже не стал с ними разговаривать.

– Вы думаете, он будет говорить со мной?

– С вами тоже не будет. Он тяжело болен, практически ни с кем не общается. Живет в глухой деревне, связь с внешним миром утеряна.

– Где же ключик?

– Переверните страницу.

Роман так и сделал. На другой странице был снимок молодой женщины, отдаленно похожей на Казимира Гломбу.

– Ага, – кивнул Роман. – Это уже теплее.

– Марта Гаранская, внучка Гломбы. Единственная внучка. Других близких родственников у него нет. Во всяком случае, таких, с которыми он поддерживал бы отношения.

– Но здесь сказано, что она живет в Париже.

– Совершенно верно. Живет в Париже, владеет художественной галереей.

– Замужем?

– Была. Еще когда жила в Польше. Гаранская – это фамилия мужа. Но уже десять лет она в разводе. Состояла в связи с богатым французом, но недолго.

– О-ля-ля...

Слепцов сердито глянул на Романа. Тот спохватился, ссупил брови. Никакого легкомыслия! Я серьезен, я очень серьезен...

– Родители Марты погибли в автомобильной катастрофе, когда она была ребенком, – продолжал Слепцов, наводя порядок. – Ее вырастил и воспитал дед.

– Правильно воспитал?

– Правильно, – позволил себе легкую улыбку генерал. – Говоря современным языком, она – наш человек. И это дает нам основания надеяться, что список Казимира Гломбы окажется в наших руках раньше, чем в руках польской дефензивы.

Раньше Роман обязательно сказал бы, что дефензива – это тайная польская полиция, как гестапо – немецкая или сигуранца – румынская, и потому говорить в данном контексте

«польская дефензива» значило заниматься тавтологией. Но сейчас он лишь согласно кивнул, ловя каждое слово начальства.

– Выходит, Марте надо съездить в Польшу, проведать дедушку, узнать, где список, и передать его нам? Если дедушка ее любит и они единомышленники, то он отдаст ей список безо всяких проблем.

– Верно, – сказал Слепцов. – Отдаст. И она готова передать его нам.

– Тогда я не вижу никаких трудностей. Все это довольно просто сделать...

– Теоретически – да. Но есть практические сложности. Марта опасается возвращаться в Польшу. Когда, с помощью наших перестройщиков, соцлагерь развалился и к власти пришел Валенса, она эмигрировала во Францию, боясь, что ее арестуют вместе с дедом. Тогда никого не тронули, но сейчас начнут люстрировать направо и налево. Так что ее опасения вполне оправданны.

– У нее до сих пор польское гражданство?

– Именно.

– Высокий патриотизм.

– Не надо иронизировать, капитан. Многим нашим гражданам не мешало бы взять с нее пример.

– И я о том же, товарищ генерал.

– Надеюсь, – буркнул Слепцов. – Так вот, Морозов. Ваша задача: встретиться с Мартой Гаранской, вместе с ней добраться до Казимира Глобы и получить список.

– А дамочка ничего за это не потребует?

– Ничего, – отрезал Слепцов. – Она изъявила желание помочь по первой нашей просьбе и при этом никаких требований не выдвигала.

– Действительно, правильное воспитание.

– Уж поверьте мне.

Слепцов значительно посмотрел на Романа. Много читалось в этом взгляде. И презрение к его буржуйским замашкам, и осуждение за «левые» доходы, и так всякое-разное, как-то: нелюбовь к начальству, неуправляемость, крайний индивидуализм и проч.

И ведь все было чистой правдой. Роман только вздохнул и отвел глаза, боясь, что и Слепцов прочтет в них кое-что в свой адрес.

Выдержав должествующую паузу, генерал сухо продолжил:

– Будете путешествовать из Франции в Польшу под видом супружеской пары. Имена связников узнаете у Дубинина. У него же получите все дальнейшие инструкции. Какие вопросы ко мне?

Роман знал, что лучше никаких вопросов не задавать. Но для солидности немного помолчал, листая дело.

– Вопросов нет, товарищ генерал. Все ясно.

Слепцов испытующе посмотрел на него. Сейчас откажет, похолодел Роман.

– Имейте в виду, Морозов, задание надо выполнить любой ценой. Начинается новый виток холодной войны. Каждый наш человек **там** – на вес золота. И к тому же у нас есть обязательства перед агентами. Мы должны их оградить от произвола, иначе репутация нашего учреждения, да и страны в целом, сильно пострадает. Вы меня понимаете?

– Понимаю, товарищ генерал.

– Вы, капитан, умеете работать. Но вам свойственно усложнять любое, даже самое простое, поручение. Так вот, никакой самодеятельности. Ясно?

– Ясно, товарищ генерал.

С минуту Слепцов буравил его взглядом, словно выискивая зародыши той самой самодеятельности, что частенько приводила к самым неожиданным последствиям. Но Роман смотрел преданно, ясно и, по всему, отходить от полученных указаний не собирался ни на йоту.

Кажется, Слепцов ему поверил. Он встал, зашагал по кабинету взад-вперед. Под ногами уютно повизгивала паркетная плитка. Роман дочитал данные, содержащиеся в папке, положил папку на стол.

– Не скрою, я хотел поручить эту операцию другому, – снова заговорил Слепцов. – Но подполковник Дубинин горой встал за вашу кандидатуру. Не знаю уж, чем вы его взяли... Но тем не менее это дело поручено вам. Поэтому сделайте все как надо.

– Есть, товарищ генерал.

– Можете идти.

Роман выскочил в приемную, точно боясь, что Слепцов в последний момент передумает. Все-таки покататься за казенный кошт по Европе – мечта любого нормального человека. Задание действительно плевое: проводить дамочку до родных краев, помочь ей встретиться с дедушкой, забрать документы и на том распрощаться. Это же халява чистой воды. И как Дубинин уломал Слепцова? Фантастика.

– Ну, как тебе дельце? – спросил Дубинин.

– Супер, – сказал Роман, присаживаясь к его столу.

– А я тебе что говорил? Слушай старших товарищей, и все будет хорошо. Кстати, ты французский не забыл?

– Bonjour, Madame. Je suis de passage¹, – тут же пропел Роман.

– Верю, верю, – махнул рукой Дубинин. – Хотя вряд ли тебе понадобится французский в серьезном объеме. Разве чашку кофе заказать. Мадам Гаранская отлично разговаривает по-русски. Во Франции ты задержишься не более чем на двое суток. Затем вы поедете в Польшу через Германию. Ну, вот здесь все подробно написано, сам прочтешь.

Дубинин передал Роману конверт из плотной бумаги. Роман заглянул внутрь. Пачка банкнот и кредитная карточка порадовали глаз. Похоже, его ставки растут. Раньше не баловали ни евротурами, ни деньгами. Все больше на окраины ссылали да уповали на смекалку. Но вот, что-то определенно меняется к лучшему. Слепцов подобрел, спасибо Дубинину. Страна богатеет, спасибо ВВП. Работы хватает – спасибо врагам.

Жить можно, одним словом.

– Имей в виду, дело на контроле. – Дубинин воздел глаза горе. – Так что старайся. Главное, не влезай, куда не надо. Понимаешь меня?

– Да уж понимаю, – проворчал Роман, начиная задумываться, а не махнуть ли ему на Шпицберген?

– Что, шеф замучил? – усмехнулся Дубинин.

Роман угрюмо промолчал.

– Ну, ладно, ты же знаешь, какой он перестраховщик. Особенно когда над ним стоит куча контролеров из разных министерств и ведомств.

– Да ладно, я ничего.

– Ну, и я так думаю. Вылет утром, билет в конверте. Первого класса, между прочим.

– Почему не «бизнес»?

– Скажи спасибо, что не «эконом». Адреса, телефоны связников тоже в конверте. Все, капитан, действуй. Обо всех перемещениях и осложнениях докладывай мне лично. Как только малейшая заминка – сразу звони.

– Даже если возникнут проблемы с пищеварением? – съехидничал-таки Роман.

– Даже если возникнут проблемы с пищеварением, – совершенно серьезно ответил Дубинин.

Роман, сраженный его серьезностью, поднялся, уложил конверт во внутренний карман.

– Все понял, товарищ подполковник. Сделаю в лучшем виде.

¹ Здравствуйте, мадам. Я здесь проездом (*фр.*).

– Попробуй только не сделай, – напутствовал его Дубинин.

На том и расстались.

Роман вернулся домой. Лены не было – умчалась «по делам», как она сообщила по телефону. В квартире стоял милый бардак, свидетельствующий об энергичных приготовлениях к выходу.

Роман бардак устранять не стал. Все равно это на пару часов, потом снова будет то же самое. Ему нужно было: изучить, запомнить и уничтожить инструкции, сложить вещи в дорогу, припрятать в потайное место главную SIM-карту и сверхценную записную книжку, составить завешание и так, по мелочи.

Пока Лена носилась по городу, Роман со всем этим успешно справился.

Позвонил, кстати, в банк, поинтересовался, сколько осталось у него на счету. Оказалось, шесть тысяч четыреста. Вот он, эквивалент счастья. Лени нет, и новых поступлений не предвидится. Разве что премию дадут за отлично выполненное задание? А что? Сотрудников надо поощрять, чем мы хуже банков или риелторских контор?

Но, осадил себя Роман, во-первых, премии эти смехотворны, во-вторых, с выполнением задания могло выйти всякое. Тут лучше не загадывать. И подарков с небес не ждать. Что дали, то и хорошо.

Управление выделило Роману наличными две тысячи евро, и столько же было на кредитной карточке. Если в командировке экономить, то есть спать на лавочках и питаться собачьими консервами, то красивую жизнь в Москве можно продлить еще на недельку. А потом – мрак и ужас.

Но пока до них далеко. Впереди – феерическое турне по Европе в компании очаровательной женщины. Чем не повод для оптимизма?

А свободный вечер перед отлетом? И целая ночь в придачу? За это Конторе отдельное спасибо, могли бы торпедировать в Париж сегодня же.

Столик в ресторане Роман уже зарезервировал. Оставалось дожидаться Лену и отправляться к шикарному ужину и океану чувственных наслаждений.

Он тщательно отобрал костюм, рубашку, галстук и отправился в ванную – освежиться перед походом по значным местам.

12 июня, Шереметьево, 10.15

Роман почувствовал, как вместе с самолетом желудок его подымается кверху, норовя избавиться от только что выпитого «боржоми».

Он поискал взглядом гигиенический пакет. Но потом как-то справился, благо самолет выровнялся и давление внутри и снаружи пришло в норму.

Поход по значным местам отзывался головной болью, сухостью во рту и бурлением в кишечнике. Шикарный ужин был легким вступлением. Лену влекло на волю, то есть в молодежные данс-клубы, и Роману пришлось повсюду таскаться за ней, потребляя, чтобы не скучать, литры сомнительных коктейлей. Где-то на перегоне из одного клуба в другой он даже задремал в такси, чем сильно умилил от души веселящуюся Лену. Для бодрости она заставила его нюхнуть «кокосу», после чего он выплясывал не хуже прыгающих до потолка юнцов. Энергия Лены танцами не истощилась, и она двинулась в казино, где и просадила половину от того, что осталось на счету у Романа. Она бы разорила его дотла, поскольку свято верила, что вот-вот «попрет», но Роман проявил твердость и повез ее домой.

Шел четвертый час ночи. Или утра, поскольку небо на востоке светлело, и к Черкизовскому рынку брели сонные таджики и прочие гости столицы.

Любовь не делали, так как устали и хотели спать. Роман решил, что наверстает утром, а Лене было все равно. К этой стороне жизни она относилась легко, как самка кролика.

Утром было не до любви. Ершистые коктейли и кокаин выбили Романа из колеи, и вместо обычного похмелья он получил целый набор омерзительнейших ощущений. Так плохо ему не было даже после первой студенческой попойки на картошке.

Проклиная себя на чем свет стоит, Роман кое-как свинтил разваливающийся организм, сидя то в туалете, то в ванной, чмокнул по-братски Лену и потащился в аэропорт.

Лене на жизнь он оставил тысячу евро. Надеялся, что этих денег ей хватит, чтобы дожидаться его из командировки. Сколько продлится командировка, он не знал. Рассчитывал дня на три-четыре, ну, самое большее, на пять. С тем прицелом Лену и субсидировал.

Она в восторг от разлуки не пришла, но и прощальных слез не проливала. Просто сказала, что будет ждать. Обетов верности не давали. Роман лишь попросил быть осторожней, и на Жору не выходить ни в коем случае. Лучше всего о нем забыть вообще.

Лена поклялась, что все уже и так забыто. Даже номер телефона поменяла, чтобы уж наверняка. Роман улетал успокоенный, хотя кошки на душе и поскребывали. Лена ровностью характера не отличалась, в припадке веселья ее могло занести бог знает куда. Не хотелось бы, чтобы чересчур далеко.

Возле Романа остановилась стюардесса с подносом:

– Что желаете? Коньяк, шампанское, водка?

– Дайте коньяку, – подумав, сказал Роман.

Полет длился уже двадцать минут. Осторожно к себе прислушиваясь, Роман решил, что на этот раз смерть от алкогольного отравления ему, кажется, не грозит. Для окончательного приведения себя в норму небольшая доза отравы была сейчас в самый раз.

Он взял у официантки бокал с коньяком и выпил его одним махом. Идеальное средство для скрепления внутренностей и прояснения умственных способностей. Главное, чтобы коньяк был хорошего качества.

От коньяка по телу разлилась правильная тепловатая истома. С качеством был полный порядок.

Выпрямились и напряглись сосуды, бодро побежала загустевшая кровь, неприятности в кишечнике утихли, в тяжелом затылке и ноющих висках будто открылись прохладные фор-

точки. Роман повел просветленными очами, улыбнулся сидевшей через проход сухонькой старушке, окинул одобрительным взглядом стройные ноги стюардессы.

Ну, худшее позади. Впереди – Елисейские Поля, Эйфелева башня, круассаны, дешевое вино, интересные знакомства и заветные майорские звезды.

Чтобы закрепить результат, Роман повторил заказ, скушал легкий рыбный сэндвич, благодушно поглазел в окно на толстые груды облаков и уснул, как младенец, насосавшийся материнской груди.

Западная Украина, Львов

Высокий широкоплечий мужчина лет тридцати вошел в подъезд кирпичного дома. Дом был старинный и находился недалеко от центра города. Вокруг – мощенные булыжником улицы и улочки, арки, карнизы, стрельчатые окна, вычурные балконы.

Львов, западная столица Украины, особенно отличался архитектурными изысками. Удивительная смесь барокко и рококо, ампира и готики придавала ему неповторимый облик. Не зря его называли украинской Венецией.

Вошедший в подъезд мужчина на шатком лифте, скользящем в сетчатой шахте, поднялся на верхний этаж. Этажей было семь, по нынешнему времени немного. Но, учитывая четырехметровые потолки, высота здания была приличной.

Мужчина поднялся еще на два лестничных марша и открыл ключом дверь, ведущую на чердак. Осмотрелся с привычным вниманием, глянул вниз. Здесь не было квартир, и его никто не мог видеть. Но все-таки некоторое время он вслушивался в летящие снизу звуки и, только убедившись в полной безопасности, вошел в чердачную дверь.

Оказавшись на чердаке, он двинулся к одной из трех башен, поднимавшихся из крыши. Он облюбовал самую крайнюю, тщательно осмотрел ее снизу и только после этого по крутой винтовой лесенке взобрался под самый ее купол.

Купол был метра три в диаметре. Дощатое основание, обитое снаружи листовой медью. Башня находилась в центре крыши, из нее на обе стороны выходили узкие окна-бойницы.

Мужчина выглянул в одно окно, затем в другое. Остановился на том, которое выглядело в сторону площади Мицкевича. Отсюда до нее было километра полтора. Он чуть приоткрыл окно, так, чтобы оставалась едва заметная щель, и чему-то удовлетворенно кивнул, выглянув наружу.

«Третий на месте», – сказал мужчина будто сам себе.

Затем минут десять он подыскивал удобную позицию для долгого ожидания. Мостился сначала на перилах, но на перилах ему не понравилось. Попробовал стоя – снова не то. Не теряя спокойствия, он слез вниз и в дальнем углу чердака отыскал кусок широкой доски.

Поднялся вместе с доской на башню, стал примеривать ее в качестве сиденья, укладывая то так, то эдак. Наконец уселся довольно удобно. Окно было прямо перед ним. Повернулся, примерился ко второму окну. Остался доволен.

Закурил, стряхивая пепел в пустую пачку из-под сигарет. На чердаке стояла абсолютная тишина. Где-то внизу гудели машины. Мужчина находился на высоте современного двенадцатизэтажного дома и на гудящие машины внимания не обращал.

Докурив, он заплевал окурки и упрятал его в ту же пачку, куда стряхивал пепел. После этого достал из внутреннего кармана куртки снайперский прицел, положил его на сгиб левой руки и, пользуясь им, как подзорной трубой, принялся изучать улицы и площади города.

В мощную оптику все было видно, как на ладони. Оперный театр, Ратуша с флагом Украины, Латинский кафедральный собор... Автоматический определитель указывал расстояние до объектов. Мужчина несколько раз перевел прицел то на одну точку, то на другую, что-то отмечая в уме и запоминая. В записях он не нуждался. Тренированная память с одного раза фиксировала детали и откладывала их в запаснике до нужного часа.

С полчаса мужчина изучал виды из окна. Затем повернулся и точно так же принялся изучать тыльную сторону дома. Он не спешил, водил прицелом медленно, тщательно вымеряя расстояния и запоминая малейшие особенности зданий и дорожных поворотов.

Снова покурив, соблюдая меры предосторожности. Вернулся к первому окну. На этот раз он надолго задержался на площади Мицкевича. Выждал момент, когда какой-то старик, гуляющий по скверу, задержится у памятника Поэта и его Музы. Плавнo навел скрещенье

прицела на середину головы старика, на висок, на спину в области лопатки. Видимость была отличной.

Старик двинулся дальше. Мужчина оставил его в покое. Чему-то улыбнувшись, он начал водить прицелом по дальним зданиям. Водил долго и уже начал терять терпение, когда в одном из приоткрытых окон на короткий миг блеснуло отраженное пятнышко света. Дом, в котором мужчина заметил блик, располагался в трех километрах отсюда. Он стоял боком к площади, и из его окон открывалась панорама другой части города. Но, при желании, человек, сидевший там точно с таким же прицелом, мог контролировать и площадь Мицкевича, страхуя того, кто находился в башне.

Где-то обживали позиции и намечали координаты для стрельбы еще два снайпера. Мужчина не стал тратить время на их обнаружение. В этом не было особого смысла. Их распределили так, чтобы центральная часть города, памятники и площади держались под прицелом и снайперы могли дублировать друг друга. Не было никакого сомнения в том, что цель, оказавшись она в означенном районе, будет взята на прицел по меньшей мере двумя стрелками. А то и тремя. Что исключало малейшую возможность провала.

Уложив прицел в карман, мужчина закрыл окно, взял кусок доски и спустился вниз. Доску он спрятал в кучу мусора, после чего покинул чердак. Тщательно запер за собой дверь, спустился на лифте вниз, вышел из подъезда и тут же растворился среди прохожих.

12 июня, Париж, 12. 40

Роман, сидя за столиком летнего кафе, потягивал аперитив, благодушно разглядывая идущую в обоих направлениях толпу. Место было людное, недалеко от площади Согласия. По проезжей части Елисейских Полей в восемь-десять рядов катили потоки сверкающих автомобилей. По широким боковым тротуарам, окаймленным пышной зеленью, гуляли парижане и гости столицы.

Наверное, парижская толпа – самое демократичное зрелище в мире. В ней могли мелькать эксцентрично одетые чудаки, бренчащие на гитарах негры, седовласые старики с ленточкой ордена в петлице, развязная целующаяся молодежь, мамы с колясками, туристы со всех концов света – и никто никому не оборачивался вслед, все наслаждалось очарованием Великого города и радовались друг другу и тому, что видели.

Роман сидел в тени бело-синего тента кафе «Улитка». Кафе ему не нравилось, уж больно открыто, но не он его выбирал. Он лишь явился на указанное место встречи и теперь дожидался мадам Гаранскую. Чтобы ожидание не казалось скучным (Марта отдельно оговорила, что ожидать ее надо с полудня до часу дня), Роман заказал себе аперитив на смородине и лениво его прихлебывал, покуривая и позевывая.

До Ле-Бурже он долетел в крепком, освежающем сне (спасибо коньяку), что позволило ему въехать в Париж в довольно-таки сносном состоянии. Последствия бурной ночи все еще сказывались на потрясенном организме, но все же кризис миновал, как сказали бы врачи, и началась фаза восстановления.

От того ли, что был немного слаб, или от той встряски, что дает человеку, даже привычному и закаленному дорогой, перемена мест, но сейчас Роман испытывал какие-то разнеженные чувства и поглядывал на прохожих умиленно и чуть завистливо.

Тому еще слегка способствовал аперитив, но, в общем, на Романа, как на любого иностранца, действовала сама атмосфера Парижа и возможность отстраниться от надоевших, как пьяные друзья, домашних проблем. О, Париж! Ожившая мечта, рай для человеческих душ.

Роман слушал вполуха шум летящих авто и шелест ветра, трепавшего листву каштанов и свисающие края тента, смотрел вполглаза на идущих людей, курил, лениво меняя положение, – и неустанно просеивал, глядя сквозь солнцезащитные очки, всех, кто попадал в поле его зрения. В инструкции было сказано, что у мадам Гаранской в Париже возникли какие-то проблемы и их надо решить непосредственно на месте. Понятно, что если есть проблемы, то и есть люди, их создающие, сами собой проблемы из воздуха не возникают. Поэтому Роман, позволяя телу нежиться в удобном кресле, делал попытку тех самых людей обнаружить, чтобы в случае необходимости держать их под контролем и начинать игру хотя с одним тузом в руках.

Возможно, за ним уже велось наблюдение. Из припаркованного автомобиля, коих было множество в этом оживленном месте, из близлежащего дома, из кафе напротив – откуда угодно. Здесь он был бессилен, ибо в силу своего одиночества обладал весьма скромным потенциалом. Но все-таки то, что позволял делать его потенциал, он делал, несмотря на сопротивление нервной системы, настроенной скорее на глубокую дрему, нежели на активную работу.

Нет, наблюдателей он не заметил. Ничего такого, что привело бы в движение язычок его внутреннего колокольчика, подающего сигналы тревоги с похвальной точностью. Может быть, имела место разлаженность некоторых рычагов и шестеренок, вызванная сменой часовых поясов и климатических условий? Говорить об этом утвердительно было трудно, как трудно было и отрицать все пагубные воздействия минувшей ночи. Это был вопрос скорее философский, нежели медицинский, а философия – наука загадочная. Поди пойми, что там и как.

Но, как бы там ни было, за добрых полчаса пристальнейшего наблюдения Роман подозрительных субъектов ни вблизи, ни вдали не обнаружил.

Зато этот стук каблуков он услышал издалека, еще не видя их обладательницу. Каблуки цокали по тротуару быстро и властно и разрезали мирный уличный шум, как пулеметная очередь.

«Девушка с характером», – подумал мимоходом Роман, даже не глядя в ту сторону, откуда раздавался цокот.

Человек, передвигающийся так громко, не мог быть для него опасен, и потому он не стал тратить силы на его идентификацию. Но нахальные каблуки стучали все ближе и надвигались прямо на него.

Роман повернул голову. Стройная, немного «в теле», тридцатилетняя женщина решительно подходила к «Улитке». Платье нежно-кофейного цвета тесно, но без вульгарности облегло всю ее фигуру, оставляя открытыми руки от плеча и ноги от колена. Руки были красивы, ноги – очень красивы. Лицо почти целиком закрывали большие радужные очки. На шее косынка чуть светлее тона платья, на левом запястье – браслет из крупных белых бусин овальной формы. Белая сумочка, белые туфли. В ушах бриллиантовые капли в оправе из белого золота. Просто, дорого, изящно.

Кроме того, женщина была шатенкой. Волосы стрижены не коротко, не длинно, именно так, как надо. Носик чуть вздернут, губы – пухлые, подбородок девичий, узкий. Легкий загар покрывал матовую кожу, выдавая человека умеренного в увлечениях и серьезно заботящегося о своем здоровье.

Роман уже узнал ее. Мадам Гаранская, собственной персоной. До часа дня оставалось четыре минуты.

Она, не снижая скорости, влетела под навес и начала оглядываться, изучая посетителей. Газета «Фигаро», которую Роман демонстративно выложил на край стола, привлекла наконец ее внимание.

Она подошла к его столику и несколько манерно опустилась на стул. Подняла очки, открыв сердитые зеленоватые глаза. Окинула Романа быстрым взглядом, достала из сумочки пачку «Мальборо» и кинула на стол. Ее, так сказать, ответ на наше «Фигаро».

Первая, визуальная, часть пароля сошлась. Теперь был черед вербальной.

– Pardon, madam... – старательно грассируя, начал Роман.

– Да бросьте вы, – на хорошем русском языке с пришепетывающим польским акцентом заговорила Марта. – Как будто я не вижу, что вы – тот самый человек. Придумали какие-то дурацкие пароли...

– Но таковы правила, мадам, – улыбнулся Роман.

– Дурацкие правила, – немедленно отозвалась его строптивая визави (она выговаривала «правила», что, впрочем, выходило у нее очень мило). – И вообще, не зовите меня «мадам», мы не на приеме?

– Как же к вам обращаться?

– Марта, как еще?

Госпожа Гаранская передернула плечами, глядя на Романа ужасно неприязненно.

– Хорошо, Марта. В таком случае, я – Роман.

– Поляк? – сощурилась с внезапным интересом Марта.

– Увы, не поляк. Русский, мад...

Роман осекся. Марта снисходительно усмехнулась.

– Извините. Роман Морозов.

Роман церемонно поклонился и только что не щелкнул каблуками под столом.

– Хорошо, не трудитесь извиняться. Я и так вижу, что вы не поляк. Пан всегда встает, когда входит дама.

– Но я не мог встать, – возразил Роман. – Правила конспирации не позволяют...

– Какие еще правила? Дурацкие игры в шпионов? Газеты, сигареты, пароли... П-фф!

Марта негодуяюще шлепнула пальцами по пачке «Мальборо».

Сейчас же у столика вырос гарсон с зажигалкой и свежей пепельницей наготове.

– Мадам желает курить?

– Я не курю, идиот, – возмутилась та. – Принеси кофе.

Гарсон, невозмутимый, как тумба для афиш, удалился за заказом, унося пепельницу и зажигалку.

«Жаль, что Слепцов не видит свою протезе, – подумал не без раздражения Роман. – „Наш человек“... Будет бед с этим человеком».

Марта между тем повела своим вздернутым носиком и наморщилась:

– Вы – гей?

– Почему? – изумился Роман.

– У вас какой-то странный одеколон.

Роман принялся и понял, о чем она говорит. Это в его пиджак въелись духи Лены, а он впопыхах не поменял костюм.

Но каково обоняние? На ветру, среди уличного чада, в мешанине запахов? Да, тяжелый случай.

– Это... не мой одеколон, – неловко пояснил Роман.

– Понятно, – кивнула Марта. – Это духи вашей подружки. Очень мило. Одеты, как мачо из «Плейбоя», аперитив в середине дня, дурные манеры... Слушайте, а вы вообще на что-нибудь способны?

– То есть?

– Ну, я думала, пришлют такого сильного русского мужика... – Марта раздвинула локти, показывая, каким, по ее мнению, должен быть посланец из России. – А вы больше похожи на завсегдатая дорогих ресторанов. Что, приехали в Париж хорошо провести время?

– Могу и уехать, – буркнул Роман, не наделенный большим терпением в обращении с агрессивными дамочками.

– Ну, так и есть, – всплеснула Марта руками. – Я знала, что русские могут только обещать, но ни на что не годны. Я пропала (у нее прозвучало «пропава»)!

Гарсон поставил перед ней чашку кофе.

– Мерси, – кивнула Марта. – Что это? – дернула она ноздрей. – Корица? Я не просила кофе с корицей. Принесите мне простого черного кофе.

Гарсон невозмутимо забрал чашку и исчез.

– Может быть, вы все-таки расскажете мне о том, что вызывает ваше беспокойство, – сдержанно заговорил Роман, памятуя об обещании, данном Дубинину. – И я попробую вам помочь... в меру своих сил.

– Хорошо, – неохотно согласилась Марта. – Все равно альтернативы у меня нет.

Она какое-то время молчала, сидя вполоборота к Роману. Он тоже молчал, дожидаясь, когда она заговорит. Он уже составил ее психологический портрет и пришел к выводу, что для пользы дела ему следует больше молчать и во всем следовать ее распоряжениям. По крайней мере, в первое время. Как сложится дальше, видно будет. Но сейчас ему надо наладить контакт, и для этого дать ей немножко себя погрызть, не оказывая сопротивления. Тип львицы, к которому принадлежала госпожа Гаранская, требовал подчинения ей всех и вся, и Роман решил, что он не должен быть исключением. Майорские звезды стоят некоторых жертв.

Гарсон принес кофе, почтительно поставил на столик. Марта поднесла кружку к лицу, тонкие ноздри ее затрепетали, после чего последовал милостивый кивок, и гарсон с облегчением удалился.

Марта пригубила кофе и отставила чашку в сторону.

«Все равно не угодили», – начиная забавляться, понял Роман.

– Снимите очки, – приказал Марта. – Я хочу видеть ваши глаза.

Роман повиновался.

Марта какое-то время изучающе смотрела на него, затем кивнула, точно так же, как гарсону.

– Хорошо, я доверюсь вам. Но знайте: если вы не сможете меня защитить, я немедленно откажусь от ваших услуг.

– От кого я должен вас защитить?

– Не здесь, – отрезала Марта. – Поедем ко мне, я все расскажу по дороге.

– Как прикажете, ма... Марта.

Она метнула в него разъяренный взгляд, но он успел отвернуться, вставая из-за стола. Зашел за ее спину, отодвинул кресло, помогая ей подняться. Она не поблагодарила, видимо, считая, что только так и следует поступать ее спутнику, о какой бы там конспирации речь ни шла. Впрочем, по легенде, они должны стать мужем и женой. Самое время привыкать, решил Роман.

Отодвигая кресло, он увидел ее спину и шею, открытые в овальном вырезе платья, и это его неожиданно взволновало. Кожа была нежной, персиковой, так и хотелось ее погладить. Сказывалось отложенная на утро, но так и не осуществленная любовь.

Вывод: не откладывая на завтра то, что нужно сделать сегодня.

Роман усилием воли переключил вектор внимания на другое, то есть на снующих со всех сторон людей. Надо работать, приказал он себе. Марта взвинчена не напрасно, она кого-то опасается. Возможно, все это выдумка ее слишком живого темперамента. А возможно, кто-то ходит за ней по пятам.

Марта, бросив на столик купюру в пять евро, уже направлялась туда, откуда пришла. Роман положил двадцатку, сделав знак гарсону, что сдачи не надо.

– Ваша дама забыла сигареты, мсье, – сказал гарсон.

– Она бросает курить, – сказал Роман, чуть не бегом устремляясь за Мартой, которая цокала своими каблуками далеко впереди.

На ходу он отметил, что их уход не вызвал каких-либо нежелательных перемещений среди тех, кто находился поблизости. Впрочем, это ни о чем не говорило. Или, скорее, говорило о хорошей подготовке тех, кого опасается Марта.

Он нагнал ее шагов через сто. Для этого ему пришлось чуть ли не бежать, потому что кофейное платье удалялось в стремительном темпе, мелькая в солнечных пятнах, а его хозяйка ни разу не обернулась, не говоря уже о том, чтобы остановиться и подождать своего спасителя.

– Садитесь, – сказала она, открывая двери белого двухместного «Мерседеса».

Роман сел на кожаное сиденье, вдохнул аромат духов, пропитавших салон. Аппетитная машинка. Надо полагать, торговля картинами приносит неплохой доход. Или имеется состоятельный «ami», который исполняет маленькие прихоти прекрасной полячки? Его вполне можно понять.

Марта выехала из переулка, в котором был припаркован «Мерседес», бесстрашно вклинилась в поток автомобилей, текущий по шоссе, и покатила к центру. Роман с одобрением наблюдал за тем, как она управлялась за рулем. Судя по ухваткам, от всех жизненных невзгод она запросто может отбиться сама, без посторонней помощи. На неврастеничку с параноидальными наклонностями она не похожа. Ведет себя слишком экспансивно – так это от избытка энергии и нервного напряжения. Похоже, что-то ей действительно угрожает.

Роман то и дело оглядывался, проверяя, нет ли «хвоста». Хотя вычислить преследователей в таком потоке невозможно, он все же упорно посматривал назад, отслеживая ту или иную слишком долго идущую следом машину.

Эти его эволюции вызвали саркастическую улыбку Марты.

– Да перестаньте вертеться, – сказала она. – Протрете мне дырку в сиденье.

Чтобы не грубить в ответ, Роман загляделся на проплывающую слева Эйфелеву башню. Видны были гроздья туристов на всех смотровых площадках.

Марта и тут не удержалась от комментария:

– Интересно вам смотреть на этот ржавый гвоздь?

– Сударыня, мне ехать с закрытыми глазами? – кротко осведомился Роман.

– Как хотите, – совсем по-французски пожала плечами Марта.

– Вы обещали рассказать о тех, кто вам угрожает.

– Но вы же все время отвлекаетесь, – возразила Марта. – Если хотите экскурсию, я высажу вас у экскурсионного бюро.

– Перестаньте валять дурака, – сухо сказал Роман. – Или начинаем работать, или идите к черту.

Марта до того удивилась, что едва успела затормозить на светофоре, остановившись в сантиметре от бампера передней машины.

– Что вы себе позволяете...

– Выкладывайте, в чем суть дела? – потребовал Роман.

Марта помолчала, соображая, как ей быть: выкинуть наглеца на улицу или ответить на вопрос.

Зажегся зеленый свет. Марта чуть помедлила, но поехала дальше.

– Но только потому, что у меня нет выбора, – сказала она, от злости пришепечывая сильнее обычного.

Роман промолчал, решив, что для первого урока достаточно.

– Какие-то люди все время следят за мной, – наконец заговорила Марта.

– В чем это выражается?

– Ну... Они сидят в машине возле моего дома, иногда я замечаю их в городе...

– Вы уверены, что не ошибаетесь?

– Я уверена, что не ошибаюсь, мосье шпион, – со всем возможным сарказмом прошипела Марта. – Если я целый (*целый*) месяц вижу возле себя одних и тех же людей, то я не могу не верить своим глазам.

– Хорошо, – кивнул Роман. – Сколько их?

– Трое... Кажется, трое. Я запомнила троих.

– Понятно. Раньше вы их видели?

Марта отрицательно покачала головой.

– Кто может следить за вами? С какой целью? Что вы сами об этом думаете?

Марта свернула на широкий бульвар и поехала чуть спокойнее. Роман машинально оглянулся. Марта усмехнулась, но на этот раз удержалась от замечания.

– Итак?

– Я думаю, эти люди посланы за мной оттуда...

– Оттуда – это из Польши?

– Да.

– Зачем вы понадобились вашим землякам?

– Затем же, зачем и вам, – огрызнулась Марта, останавливаясь на красный свет.

Дорогу медленно пересекал автобус. За ним ехал на велосипеде лысый монах-францисканец в коричневой рясе, подпоясанный веревкой, в сандалиях на босу ногу. К багажнику был привязан толстый портфель. Следом на скутере катила монашка в черной сутане и огромном накрахмаленном белом чепце, напоминающем бумажный кораблик. И монах, и монашка выглядели людьми, очень довольными жизнью.

– Вы хотите сказать, что им известно о списке, который хранится у вашего деда? – спросил Роман, разглядывая монахов. – Но какой смысл в том, чтобы следить за вами здесь?

– Не знаю, какой смысл, – нервно сказала Марта, трогаясь в путь. – Это вы должны разобраться.

«В сущности, она права, – подумал Роман. – Разбираться придется мне».

Марта свернула направо и вскоре остановилась возле одного из шестиэтажных домов, построенного в типичном парижском стиле.

Проезжая часть здесь была широкой и не слишком оживленной, машины двигались с большим интервалом. Напротив тянулся аккуратный бульвар, отделенный от дороги кованой изгородью. Вдоль изгороди выстроились в ряд легковые автомобили.

– Приехали? – спросил Роман.

– Да. Это мой дом. На первом этаже галерея, на втором – моя квартира.

– Вы их видите?

– Вон, красный «Пежо». С той стороны улицы. Это их машина. Она всегда там стоит.

– Значит, они спокойно отпускают вас в город?

– Что значит «отпускают»? – возмутилась Марта. – Я сама еду куда хочу. Это – свободная страна.

– Я не то хотел сказать, – не теряя терпения, поправился Роман. – Но они не едут за вами следом, как только вы отъезжаете от дома?

– Кажется, нет.

– Возможно, есть еще машина, с которой за вами ведется наблюдение в городе?

– Может быть... – неуверенно пожала плечами Марта. – Я не знаю.

– Хорошо, – кивнул Роман. – Скоро мы это выясним.

Марта вздохнула и выскочила из автомобиля, хлопнув дверцей сильнее, чем следовало.

Роман тоже вышел на теплый тротуар, вдохнул запах цветущих лип.. Остаться бы здесь навсегда, на этих тихих улицах, среди тенистых бульваров. Нужны ему те майорские звезды в далекой, холодной России? Только проблем прибавится – на что, на что, а на это родина была особенно торовата. А так... Устроиться водителем такси, благо язык знает, тихо зарабатывать себе на кров и пищу и радоваться жизни, как увиденные на перекрестке монахи, точно вышедшие из сказки.

– Вы идете? – окликнула его Марта по-французски.

«Умно», – одобрил Роман, направляясь к большой витрине, в который стояли сюрреалистические статуэтки из гипса и бронзы.

Окна в «Пежо» отсвечивали, мешая разглядеть тех, кто находился в салоне. Но Роману показалось, что там всего один человек. Где же остальные? Ушли за пончиками? Или все-таки выдумка?

Марта открыла стеклянную дверь – при этом прозвенел подвешенный над порогом колокольчик – и жестом пригласила Романа следовать за собой.

Первоначально Роман хотел выйти из «Мерседеса» раньше и дойти до галереи в одиночку, чтобы люди, следящие за домом, не связали его с Мартой. Но затем он решил, что если их видели в «Улитке», то его маневр вызовет подозрение. Проще было держаться той линии поведения, что они – старые знакомые, встретились за кофе, мило поболтали и Марта повезла его к себе, чтобы показать новые экспонаты.

Галерея называлась простенько: «Марта». Видимо, хозяйка очень дорожила своим именем. Сейчас же на входе посетителя ошеломлял портрет обнаженной женщины, выполненный с гипертрофированными физиологическими подробностями. Краски были кричащие, поза – ужасающая. Наверное, это было сделано в целях контраста с названием галереи, отдающим воскресным пирогом и тремя очаровательными карапузами.

Далее налево шла непосредственно галерея, разделенная перегородками на разной величины отсеки. Справа, рядом с входом, находился офис хозяйки. За ним была лестница, ведущая на второй этаж.

«Пани удобно устроилась, – думал Роман, оглядывая коридорчик перед лестницей. – Тут тебе сразу и работа, и дом, и все сопутствующие удовольствия».

– Марта, здесь черный ход имеется?

– Нет, – сказала Марта, ходившая за ним с укусным выражением на лице. – Отсюда можно подняться только наверх, в мою квартиру.

– К квартире тоже нет черного хода?

– Нет. Есть обычный выход на лестничную клетку, к лифту.

– Насколько я понял, подъезд выходит на улицу?

– Вы правильно поняли.

– Значит, из дома вы можете попасть только на улицу.

– Совершенно верно.

– Понятно.

– Что вам понятно? – осведомилась Марта.

– Понятно, что за вами очень легко следить. Квартиру и галерею вы можете покинуть только через переднюю часть дома. Значит, у тех, кто за вами наблюдает, задача облегчена. Вот если бы был черный ход, то вы могли бы уйти другим путем, через дворы, и тогда проследить вас было бы гораздо сложнее...

– Я не собираюсь бегать по дворам от каких-то типов, – заявила Марта. – Я хоть и польская гражданка, но имею вид на жительство, плачу налоги и нахожусь под защитой французского закона.

Это прозвучало так, будто Марта говорили о своей принадлежности к королевскому роду. Роман лишь покивал на это головой, думая о том, что легкой прогулки точно не получится.

– Хорошо, – поднял он обе руки. – Я не принуждаю вас к бегству. Мы можем зайти в ваш кабинет и спокойно все обсудить?

– А вы не будете осматривать мою квартиру? – удивилась Марта.

– А вам этого хочется? – усмехнулся Роман.

Марта передернула плечами и открыла дверь офиса.

– Подождите меня здесь. Я разберусь с делами.

Немолодой господин с зализанной головой и сухими брылями на вытянутом лице делал издали ей знаки. Он был одет в белые, в обтяжку, брюки, желтую шелковую рубашу и пестрый жилет.

На шее у него пузырилось цветастое шелковое кашне. Он не подходил, видя, что Марта занята гостем, но, судя по жестам, хотел сказать ей что-то важное.

Роман вошел в кабинет, прикрыл за собой дверь. Выглянул сквозь окно, забранное жалюзи, на улицу. Отсюда красный «Пежо» не виден. Но это не столь существенно. Устраивать здесь длительную засаду с целью контрнаблюдения Роман не собирался. Слишком долго и непродуктивно. Времени у него мало, поэтому следует проводить операцию в темпе, пользуясь тем, что его инкогнито дает ему некоторые преимущества.

Несколько минут Роман уделил знакомству с офисом. Устроено все в деловом стиле. Никаких сюсек-пусек, говорящих о том, что хозяйка – женщина. Рабочий стол с компьютером и оргтехникой в углу у окна. Строгие серые стулья, серый ковролин, прямые линии шкафа, сделанного во всю ширину стены. Как дань профессии – пара небольших занятых картинок на стене и бронзовая фигура какого-то рогатого существа, не то Пана, не то кого похуже. Вместо букета цветов – лаконичная икебана на дальнем конце стола.

Роман открыл дверцы шкафа. Справа – гардеробная с вещами хозяйки и холодильник с напитками. Слева – что-то типа склада, где были аккуратными стопками составлены картины, дожидаящиеся своего часа на продажу. Во всем просматривался железный порядок.

Звякнул колокольчик, в галерею кто-то вошел. Роман посмотрел в боковое окно-зеркало, прозрачное со стороны офиса. Парень и девушка, по виду – студенты. Одеты просто, но в

одежде известных марок, что выдавало их не бедное происхождение. На руке у парня – хронометр «Longines». Они вошли в обнимку и застыли перед портретом обнаженной.

– Похоже, ее писали в анатомическом музее, – громко сказал парень.

Девушка прыснула, после чего парочка, явно не принадлежащая к тем, кто следил за Мартой, двинулась в глубь галереи. Судя по шутке, студенты-медики, решил Роман, теряя к ним интерес.

К молодым людям с медовой улыбкой подкатил шелковый господин, замахал бескостными руками. Марта наметанным глазом оглядела клиентов и направилась наконец к офису.

– Хорошо идет торговля? – спросил Роман, когда она вошла и закрыла дверь.

– Не жалуюсь, – сухо ответила Марта.

Она прошла в угол и села за свой рабочий стол, как бы сразу давая понять, кто здесь хозяин положения.

– У вас один продавец? – спросил Роман, наблюдая за действиями шелкового господина, который делал пассы перед одной из картин, расписывая ее достоинства.

Молодые люди, как очарованные, слушали его с открытыми ртами.

– Продавцы у вас в России, – отрезала Марта. – Это мой помощник и отчасти компаньон.

– Как его зовут?

– Жак Ланглуа.

– Вы живете с ним?

Марта сверкнула глазами, но сдержалась.

– Нет, я с ним не живу. Зачем вы об этом спрашиваете?

– Марта, ваша личная жизнь мне безразлична. Я лишь хочу очертить круг тех, кто может быть для вас опасен.

– Жак? Опасен? – засмеялась Марта.

Смех у нее был мелодичный, юный, как будто ей не принадлежащий. И – едва заметные ямочки на щеках. Трудно не поддаться очарованию такого смеха и не натворить глупостей.

Роман сурово ждал, хотя внутри у него что-то словно подтаяло и потекло от этих удивительных звуков.

Отсмеявшись, Марта покачала головой:

– Даже не думайте в этом направлении. Жак – добрейшее существо. Он работает со мной вот уже пять лет и ни разу ничего **такого** я за ним не заметила. И он не интересуется женщинами.

– Но вы сказали, он ваш компаньон, – возразил Роман.

– Да. Ну и что?

– Возможно, он сам хотел бы стать владельцем галереи и с этой целью предпринимает кой-какие небезопасные для вас шаги?

– Оставьте Жака в покое, – приказала Марта. – Это пятидесятилетний ребенок, который влюблен в искусство и не способен обидеть мухи. Да, он входит на паях в некоторые мои расходы, но скорее из желания мне помочь, нежели из корыстных побуждений. К тому же, если бы он хотел открыть галерею, он давно бы это сделал без всяких проблем.

Роман снова посмотрел через окно на Жака. Тот раздувал щеки и в чем-то клятвенно убеждал молодых людей. Выражение лица у него было умильное, его хотелось пожалеть и угостить конфетой.

– Хорошо, убедили. Жак – вне подозрений. Идем дальше. Быть может, вы перешли дорогу какой-нибудь мстительной даме?

– Вы о чем?

– Париж – город адюльтеров, – усмехнулся Роман, сделав неопределенный жест. – Что, если не в меру подозрительная жена наняла частных детективов, чтобы они зафиксировали факт измены мужа?

– Я не связываюсь с женатыми мужчинами, – сказала Марта. – Это не в моих правилах.

– Точно?

– Абсолютно.

– Ну, – задумался Роман, – тогда вас может преследовать маньяк. Или, если выразиться иначе, ваш тайный поклонник. У такой красивой женщины, как вы, вполне могут быть тайные обожатели.

– Могут быть, – без тени кокетства согласилась Марта. – Но не собираются же они по трое и не сидят днями в машине.

– Да, – кивнул Роман. – Так они обычно не поступают.

Марта с юмором следила за ним. Наверное, ждала, до чего он еще додумается.

«Ничего, – беззлобно думал Роман, – развлекайся. А я пока тебя всесторонне прошупаю».

– Скажите, Марта, вы не пробовали заявить об этих людях в полицию?

– Нет, не пробовала.

– Почему?

– Я уверена, что это не дело полиции.

– Почему?

– Я же сказала вам с самого начала: скорее всего, эти люди присланы оттуда. А я не хочу вмешивать местную полицию в мои отношения с земляками. Нужно будет объяснять мотивы, это может привести к различным осложнениям... А я не хочу осложнений. Понимаете?

– В общем и целом...

– Вы знаете, чего мне стоило открыть эту галерею? С польским паспортом, без влиятельных знакомств?

Роман хотел сделать замечание насчет влиятельных знакомств, но промолчал.

– У меня определенный круг клиентов, у меня репутация. Я очень дорожу и тем, и другим. А если начнутся полицейские разбирательства, все это может рухнуть. Здесь реноме стоит очень дорого, я не могу им рисковать. Это вам понятно?

– Конечно.

– К тому же, вы хотите, чтобы я помогла вам заполучить список, который хранится у дедушки. Значит, вы и должны разобраться, кто за мной следит, и сделать так, чтобы от меня отстали. Или вы хотите разгрести жар чужими руками?

– Иногда это неплохо...

У Марты потемнели глаза.

– Но не в этот раз, – быстро закончил Роман. – Значит, останавливаемся на первой версии. То есть за вами следят люди, посланные оттуда.

– Я уверена, что это именно так.

Роман помолчал, наблюдая за тем, как молодой человек выписывает чек. Жак стоял в двух шагах, прижимая сложенные руки к груди. Девушка хозяйственно поглаживала раму купленной картины.

– Но я не могу понять их логики, – сказал Роман, возвращаясь к вопросу, который поднял в машине. – Какой смысл в том, чтобы наблюдать за вами? Ведь это может затянуться на неопределенный промежуток времени?

– Я не знаю, какой у них смысл, – сказала Марта. – Наверное, они что-то узнали...

– Что узнали? Что вы хотите ехать в Польшу за списком? – удивился Роман.

Марта пожала плечами, как бы говоря: почему нет?

– Но это невозможно. Это секретная информация.

– Вы думаете, только ваши спецслужбы умеют похищать секреты?

– Ах, вот вы о чем... – осекся Роман. – Да, действительно. Я как-то не...

«А ведь она права, – подумал он. – Все секреты, особенно злободневные, витают в воздухе. Утечка информации – бич любой разведки, в том числе и нашей. Возможно, американцы что-то перехватили и передали полякам. Это уже серьезно. Если за нами уцепится хвост от самой Франции, оторваться от него в Польше будет мудрено. Надо все решать здесь».

Жак тем временем, приняв двумя пальцами чек, ловко завернул картину в бумагу, обвязал шпагатом и торжественно вручил счастливым покупателям. Сделка была заключена с отменной быстротой и легкостью.

Молодые люди, слегка ошарашенные, двинулись к выходу, сопровождаемые лопочущим любезности Жаком. Парень тащил картину под мышкой, стараясь не задевать углами стен, девушка ему помогала.

Жак забежал вперед, открыл двери, поклонился на прощание, помахал рукой. Парень принялся запихивать картину на заднее сиденье машины – новенькой «БМВ» шестой модели.

«Профессионал», – с доброй завистью подумал о мсье Ланглуа Роман.

Жак тихонько, без звяканья колокольчика, затворил двери, неслышно прошел вдоль зеркала, поскребся в кабинет хозяйки.

– Входи, Жак, – сказала по-французски Марта.

Мосье Ланглуа вошел в кабинет, превежливо поклонился Роману.

– Можешь говорить свободно, – сказала Марта.

– Марта, – сказал Жак, расширяя глаза, – я продал «Тараканов». Представляешь?

– Да что ты! – ахнула Марта. – Не может быть.

– И тем не менее, – потупился Жак.

– Ты – гений!

– За полную стоимость, Марта, – шепнул Жак.

– Я не нахожу слов.

– Молодые люди собираются пожениться. Жених искал оригинальный подарок для невесты. Я убедил их, что «Тараканы» – это именно то, что нужно.

– По крайней мере, в оригинальности этой картине не откажешь, – сказала, смеясь, Марта. – Будь так добр, Жак, позвони Арно. Он будет счастлив. Только вчера он горевал, что я уже неделю не могу продать ни одной его работы. И вдруг – такая удача. Он на тебя молиться будет, Жак.

Жак ответил застенчивой улыбкой, его вислое лицо покрылось плюшевыми морщинами. Уходя, он взглянул на Романа с голубиной томностью.

– Ну, теперь вы мне верите? – спросила Марта.

– Вполне, – усмехнулся Роман, окончательно вычеркивая мсье Ланглуа из списка подозреваемых.

– Если мне кто и угрожает, то только агенты Варшавы, – в который раз заявила Марта.

– Хорошо, – сказал Роман. – Тогда будем действовать по моему плану.

– Я могу узнать, в чем он заключается?

– Конечно, Марта. Сейчас я поеду к себе в гостиницу. Пообедая, затем пару часов посплю...

У Марты сам собой приоткрылся рот. Выражение глаз стало растерянное – и это понравилось Роману. Значит, она не безнадежна.

– И... в этом заключается ваш план?

– Не совсем. Вы до которого часа будете находиться в офисе?

– А до которого нужно? – догадливо спросила Марта, становясь сама собой.

– Скажем, часов до семи.

– Идет. Что мне делать потом?

– Ничего особенного. Сядете в машину, покатаетесь по городу. Торопиться не стоит, наоборот, передвигайтесь спокойно. На оживленные улицы не выезжайте, от центра далеко не удаляйтесь. Загляните в пару-тройку магазинов, может быть, попейте кофе в уличном кафе.

– Вы хотите проследить за ними?

– Совершенно верно.

– Хорошо, – кивнула Марта. – Я вас поняла.

– Я не сомневался в вашей понятливости.

Марта дернула углом рта, но совладала с собой. Роман сделал вид, что ничего не происходит. Ничего, голубушка, скоро ты станешь совсем ручной.

– Номер вашего мобильного у меня есть. Запишите мой, пожалуйста.

Марта внесла его номер в память своего мобильного.

– Если по ходу понадобится внести какие-то коррективы в ваши действия, я вам сообщу, – сказал Роман. – Сами ничего не предпринимайте. Ведите себя так же, как всегда. Не оглядывайтесь, не делайте попыток обнаружить слежку. Или, тем более, меня. Я буду держаться на удаленном расстоянии. Висматривая, где я нахожусь, вы наведете ваших преследователей на определенные подозрения.

– Хорошо, я все поняла.

– И вот еще что, Марта.

– Да?

– Оденьтесь так, чтобы вам было удобно в дороге. Вы меня понимаете? Ну, может быть, брюки, удобная обувь, теплая куртка. Захватите паспорт, водительские права.

– Зачем это?

– Всякое может случиться, – уклончиво сказал Роман. – Скажите, как скоро вы готовы выехать в Польшу?

– Я уже готова... Но вы уверены, что эти люди нам позволят беспрепятственно покинуть Париж?

– Уверен.

Марта посмотрела на него более внимательно, чем смотрела до того.

– Вы слишком самонадеянны. Типичный мужской шовинизм.

Роман вздохнул. До полного приручения еще было далеко.

– Итак, вы все поняли?

– Я все поняла, – отчеканила Марта. – Кажется, вам пора спать, мсье Морозов?

Роман улыбнулся и, поклонившись, удалился, оставив свою гневливую подопечную до вечера.

Выйдя из галереи, он не обнаружил красного «Пежо». Вот те на, а Марта уверяла, будто он стоит тут круглые сутки. Может быть, его сменила другая машина. Или никакой слежки нет? Тогда зачем Марте городить весь этот огород? Набить себе цену? Вариант. Ерунда, что Слепцов уверен в ее бескорыстии. Вон как лихо она ведет дела в галерее. А туалеты, а машина, а квартира в центре Парижа? Все стоит немаленьких средств. Если не заикалась о гонораре до сих пор, значит, скажет позднее. И нечего питать иллюзии на этот счет.

Роман терпеть не мог привычку Слепцова зарывать голову в песок и не видеть очевидных вещей. Ну да, бюджет Конторы, получает благодарность от вышестоящего начальства. Но толку в том? Все равно придется раскошелиться. И не надо прикрываться доисторическими фразами о патриотизме, долге и чистоте помыслов. Чушь собачья, противно слушать. Ты заплати человеку, сколько положено, а красивые фразы оставь себе, в качестве утешительного приза.

Разразившись сей пространной филиппикой в адрес зануды-шефа – разумеется, про себя, – Роман поймал такси и поехал в свой отель. Как бы там ни было, все разъяснится в ближайшее время.

12 июня, Париж, отель «Ассис»

Плотно пообедав (устрицы, белое вино, салат с креветками, куриное рагу, шесть сортов сыра, кофе), Роман залег в номере, намереваясь немного отдохнуть.

Вечер мог оказаться затяжным, то есть плавно переходящим в ночь, и, возможно, в утро, поэтому часок-другой сна перед выходом не помешает.

Но предварительно Роман созвонился с Мишелем Петеном, парижским резидентом.

После осторожных опознавательных приветствий разговор свернул в деловое русло.

– Мне требуется кой-какое техническое обеспечение, – без обиняков заявил Роман.

– Сделаю все, что в моих силах, – сказал Мишель.

Роман не успел встретиться с этим человеком, жившим в Париже по системе глубокого внедрения. Но тон был ровным, реакция быстрой, и Роман подумал, что Дубинин сосватал ему хорошего помощника.

При этом он по ассоциативной цепочке вспомнил Жака, помощника Марты, но тут же изгнал его дряблую физиономию из памяти, чтобы не отождествлять ее с человеком, с которым сейчас разговаривал по телефону.

– Мне понадобится автомобиль. Неброский надежный пикап. Доверенность на мое имя.

– Это не проблема.

– Автомобиль подгоните к отелю «Ассис». Это вас не затруднит?

– Нисколько.

– Отлично. Еще мне понадобится флакончик нервно-паралитического газа. Только такого, чтобы человека можно было отключить за пару секунд.

– Сделаем, – столь же легко сказал Мишель.

– Накладные усы. Какая-нибудь кепка.

– Хорошо, – не удивился Мишель.

– Это все.

– Оружие?

– Пока не надо.

– Когда понадобятся документы для мадам?

– Я думаю, уже завтра.

– Хорошо. Тогда я положу в бардачок фотоаппарат, сделаете пару снимков.

– Хорошо.

– Когда вам позвонить по поводу машины?

– Через три часа.

– Хорошо.

– Тогда все.

– До связи.

Умеет все-таки Дубинин подбирать людей, подумал Роман. Да, кстати. Надо бы прозвониться в Москву. Было сказано: докладывать о каждом шаге. Мы – люди подневольные, приказывали – выполняем.

Дубинин выслушал доклад молча. К слову, и доклад был короток. Роман пока свои подозрения не озвучивал. Рано. Да и Москве не понравится. Они там уверены, что Марта – просто клад, не человек, и первым делом решат, что Морозов опять дурит. Проверим все в деталях, тогда и отчитаемся на полную.

– Только не наломай дров, – сказал Дубинин. – Все это пахнет международным скандалом, имей в виду.

– Имею, товарищ подполковник.

– Проверь тихонько, есть ли хвост. Если есть, уводи от него Марту. А там – на нашу загородную виллу. Мишель сделает документы, и вперед, на Польшу. Главное, оторваться от преследователей.

– И не наломать дров, – подсказал Роман.

– Наломашь – тебе же хуже будет, – хладнокровно заметил Дубинин.

– Да я тут тише воды...

– Знаю я! Все, действуй. Вечером жду твоего звонка.

– Есть, тов...

Усмехнувшись загудевшей отбоем трубке, Роман потянулся и залез под одеяло. Тело ныло, бестактно напоминая о том, что не следует в почти сорокалетнем возрасте таскаться по ночным дискотекам и лакать всякую гадость.

Роман приказал телу замолчать и расслабиться и уже было благополучно уснул, но тут зажурчал интимной трелью гостиничный телефон. Роман хотел трубку не брать, все, кому надо, на связи побывали.

Но телефон не умолкал, и Роман вынужден был проснуться и снять трубку.

– Да, – сказал он таким тоном, что у звонившего должна была пропасть вся охота продолжать разговор.

– Простите за беспокойство... Мсье не желает развлечься? – слышался тихий голос, не то мужской, не то женский, не понять. Скорее все-таки мужской.

– Не желает, – усмехнулся Роман.

– Простите, мсье, но вы не знаете, от чего отказываетесь, – ничуть не смутился звонивший. – У нас большой выбор. Девочки на любой вкус. Все красавицы. Полный медицинский досмотр. Есть тринадцатилетние. Не желаете? Цены очень умеренные.

– Нет, не желаю, – стараясь не злиться, ответил Роман.

Злиться бесполезно, подобные предложения – издержки жизни в отелях. Сколько помнил Роман, везде, где ему ни приходилось бывать, хоть в респектабельном Лондоне, хоть в вылизанном Сингапуре, хоть в самом измызанном российском городишке, рано или поздно – чаще рано – в номере звонил телефон, предлагали любые секс-услуги «за очень умеренную цену».

Иногда, надо сказать, звонили довольно-таки кстати.

– Тогда, может быть, мосье предпочитает мальчиков?

– Мсье предпочитает, чтобы его оставили в покое, – проворчал Роман.

– Понимаю, мосье. Но вы все-таки подумайте. Если у вас возникнет желание развлечься, дайте знать портье.

– Обязательно дам.

– Еще раз извините за беспокойство.

Роман со стоном полез под одеяло, нагонять спугнутый сон. Однако после пятиминутной лежки он понял, что позвонивший сводник сбил его с курса и навел на некоторые беспокойные мысли.

Роман крутнулся раз, другой... Устриц еще наелся. Вспомнилась оставленная в Москве Лена, разные там подробности, еще более будоражащие. Нет, не уснуть. Вялый, разбитый, Роман набрал с гостиничного телефона номер Лены, сам не зная, зачем он это делает.

– Да, – звонко отозвалась Лена.

– Это я, – глупо сказал Роман.

– Кто – я? – настороженно спросила Лена.

Ах да, телефон же не определился. Как же ей, бедной, догадаться, кто звонит?

– Роман.

– Ой, Рома, как я по тебе соскучилась, – воскликнула Лена. – А я тебя не узнала. Богатым будешь.

У Романа потеплело на душе.

- Как ты там?
- Так себе, – сказала Лена. – Телек смотрю. Скучаю. А ты где?
- В гостинице.
- Один?
- Совсем один, – вздохнул Роман.
- Плохо тебе? – понятливо спросила Лена.
- Очень...

– Бе-едненький... А ты представь, – тембр ее голоса вдруг стал низким, протяжным, и Роман почувствовал, как у него по телу пошла жаркая волна, – что я тебя целую, медленно, в губы... потом в шею... опускаюсь ниже, целую грудь, один сосок, потом другой... и начинаю опускаться все ниже...

– Подожди, – сказал Роман, вскакивая с постели, – подожди минуту!

– Кончиками пальцев я поглаживаю твои брюки, – доносилось из трубки, – расстегиваю молнию и залезаю внутрь...

Роман прихватил телефон и понес его в ванную, благо шнур был достаточно длинный. После чего закрыл дверь и несколько минут из ванной не выходил, издавая какие-то неясные восклицания. Потом все стихло.

Зашумел кран, послышался плеск воды. Обессиленный, но умиротворенный, Роман вернулся с телефоном наперевес, выдернул разъем и, уже ни о чем не помышляя, завалился спать.

12 июня, Париж, 18.20

Чистенький темно-синий «Ситроен» дожидался в пятидесяти метрах от отеля. Именно там, где и сказал позвонивший в назначенный час Мишель. Дверцы были не заперты, ключи находчиво спрятаны под ковриком.

Роман сел в машину, открыл бардачок. В нем лежали: доверенность на его имя, карта-схема Парижа (за карту отдельное спасибо), баллончик, черная кепка, маленький конвертик. В конвертике – щетинистые рыжеватые усы, до того натуральные, как будто их с кого-то содрали.

До randevu с мадам Гаранской (Роман с особенным удовольствием именовал так про себя эту вздорную особу) оставалось полчаса. В пять минут Роман по карте прояснил маршрут. От «Ассиса» до галереи – рукой подать (а на такси ехали двадцать минут, ж-жулики). Можно не торопиться.

Он отъехал от отеля, поколесил немного по улицам, проверяя машину. Вполне надежный агрегат. Серьезной погони по автобану не выдержит, но для неторопливой слежки по городу годится. Горючего – полный бак, все приборы в исправности.

Остановившись в одном из тихих переулков возле бульвара Итальянцев, Роман приклеил усы, глядясь в зеркало заднего вида. Усы были ему велики, загнутые щетинки полезли в рот. Роман пошевелил носом, привыкая. Подстричь бы, да нечем. Не идти же с ними в парикмахерскую. Ладно, несколько часов потерпит. Натянул кепку с грузинским козырьком. В своей кожаной куртке, которую вместе с джинсами надел для вечернего выезда, Роман стал похож на сочинского таксиста. Зато теперь он не имел ничего общего с тем щеголем, который днем наведывался в «Марту».

Вскоре он припарковался в сотне метров от галереи. Встал таким образом, чтобы иметь возможность ехать как в ту, так и в другую сторону. Под острым углом Роман видел витрину и улицу вдоль нее. Белый «Мерседес» Марты стоял на прежнем месте. Красного «Пежо» не наблюдалось, ни вблизи, ни вдали. Наверное, слежка осуществляется с другой машины.

Если осуществляется вообще.

До семи оставалось пятнадцать минут. Роман хотел позвонить Марте, чтобы узнать, готова ли она к выходу. Но, по здравому размышлению, передумал. Нарваться на очередную резкость? Нет уж, увольте. Коль скоро она во всех проявлениях его опеки видит мужской шовинизм, то пускай действует самостоятельно.

Роман сел удобнее, закурил, наблюдая за улицей. Сновали взад-вперед машины, неторопливо двигались утомленные дневным зноем пешеходы. На скамейках бульвара кучками сидела молодежь. В кафе напротив полно народу. После трудового дня почтенные парижане устраивались ужинать.

Пошел восьмой час. Роман усмехнулся. Из вредности ведь будет тянуть время.

Но нет, дверь подъезда открылась, вышла Марта и направилась к «Мерседесу». Увидев ее наряд, Роман тихонько ахнул. Легкомысленный плащик и туфли на высоких каблуках. Идеально для бега по пересеченной местности и рукопашного боя.

Марта села в «Мерседес», немного там повозилась и, как и было договорено, неторопливо покатила по улице.

Роман немного задержался, внимательно наблюдая за чередой автомобилей по обе стороны бульвара. Пока ни один из них не сорвался следом за «Мерседесом». Посмотрим, что будет дальше.

Выехав из боковой улицы, Роман свернул следом за Мартой и, держась в полутора сотне метров, начал старательно повторять ее маршрут.

Только он с улыбкой подумал о том, что-де Марта – большая выдумщица, как вдруг перед ним выскочил бежевый «Пежо» и пристроился в хвост «Мерседесу». Возможно, это был обык-

новенный попутчик, но Роман по каким-то неуловимым признакам почувствовал, что этот «Пежо» возник не случайно.

Марта – хорошая девочка – строго следовала договоренности. Ехала неторопливо, на оживленные улицы не выскакивала, держалась там, где спокойнее. В отрыв не уходила, проехав на зеленый свет, продолжала путь медленнее, чтобы отставший вдруг Роман не потерял ее из виду.

В общем, старалась.

Бежевый «Пежо» от нее не отлипал. Через три поворота у Романа отпали все сомнения. Да, за Мартой кто-то следит. Если красный «Пежо» казался ему еще недавно откровенной чепухой, то бежевый был явью, от которой не отмахнуться.

Все же, для верности, Роман решил не торопиться с выводами и убедиться в серьезности намерений тех, кто находился в «Пежо». Он решил дать им дополнительных полчаса. Возможно, пока их маршрут совпадал с маршрутом Марты. Такое бывает.

Зазвонил телефон. Марта.

– Да, Марта?

– Ну что, вы заметили его? – спросила она возбужденно.

– Кого?

– Ну, этот противный бежевый «Пежо»?

– Да, Марта, заметил.

– И что вы будете делать?

– Проверять.

– Что проверять? – раздраженно спросила Марта.

– Действительно ли он едет именно за вами, – хладнокровно сказал Роман, сворачивая вслед за «Пежо».

Белый «Мерседес» виднелся впереди.

– А что, это вам до сих пор не ясно?

– Ясно. Но не совсем.

– Ладно, – сказала Марта, и Роман почувствовал, каких трудов ей стоило сдержаться. – Что делать мне?

– Остановитесь где-нибудь. Зайдите в магазин, побудьте в нем минут десять. Мы же это обсуждали...

– Я помню! – прорычала она.

Роман улыбнулся, положил телефон в карман. Вот это темперамент. Ей бы фронтом командовать. Такой не объяснишь, что спешка в подобном деле чревата тяжелыми последствиями. Вдруг ошибка? И невинные люди пострадают?

Заметив, что у Марты зажигаются габаритные огни, Роман выехал во вторую полосу. Бежевый «Пежо» тоже притормаживал, сворачивая к бордюру. Да, кажется, никакой ошибки.

Роман проехал вперед, на ходу кинув взгляд на окна «Пежо». В салоне два человека. Мужчина и женщина.

Равнодушно глядя перед собой, Роман проследовал дальше. Увидел, как Марта входит в парфюмерный магазин. Подвернул зеркало, глядя на «Пежо». Из него вышла девушка, тоже направилась к магазину.

Ладно, подождем. Исключим все случайности. Как сказал Дубинин, главное – не наломать дров.

Роман остановился метрах в двухстах по ходу движения. Улица здесь шла без ответвлений, он не боялся, что просмотрит Марту и бежевый «Пежо», если тот снова увяжется за ней.

Марта гуляла по магазину долго. Видимо, увлеклась. Но Роману это было на руку. Чем дольше возле нее задержится «Пежо», тем весомее будут факты, свидетельствующие против него.

Вместо десяти минут Марта пребывала в магазине все сорок. Интересно было бы посмотреть, что она там выбирает? С ее нечеловеческим обонянием наверняка что-то грандиозное.

«Пежо» мимо так и не проехал.

Позвонил телефон. Снова Марта.

– Да?

– Вы где?

– Немного дальше, чем ваша машина.

– А «Пежо»?

– Судя по всему, стоит там же.

– Вот видите.

– Вы скоро? – дипломатично спросил Роман.

– Уже выхожу.

– За вами наблюдает женщина. Молодая. Вы ее заметили?

– Здесь много молодых женщин...

– Понятно. Садитесь в машину, поезжайте вперед.

– Долго мне еще ездить?

– Марта, пожалуйста, делайте, как я говорю.

Проговорив эту рискованную фразу, Роман ожидал по меньшей мере гневной тирады или немедленного отбоя. Но Марта снова удивила его.

– Хорошо, – сдержанно сказала она и только после этого дала отбой.

Автопрогулка по Парижу продолжилась. В другой раз Роман с удовольствием повертел бы во все стороны головой, восторгаясь достопримечательностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.